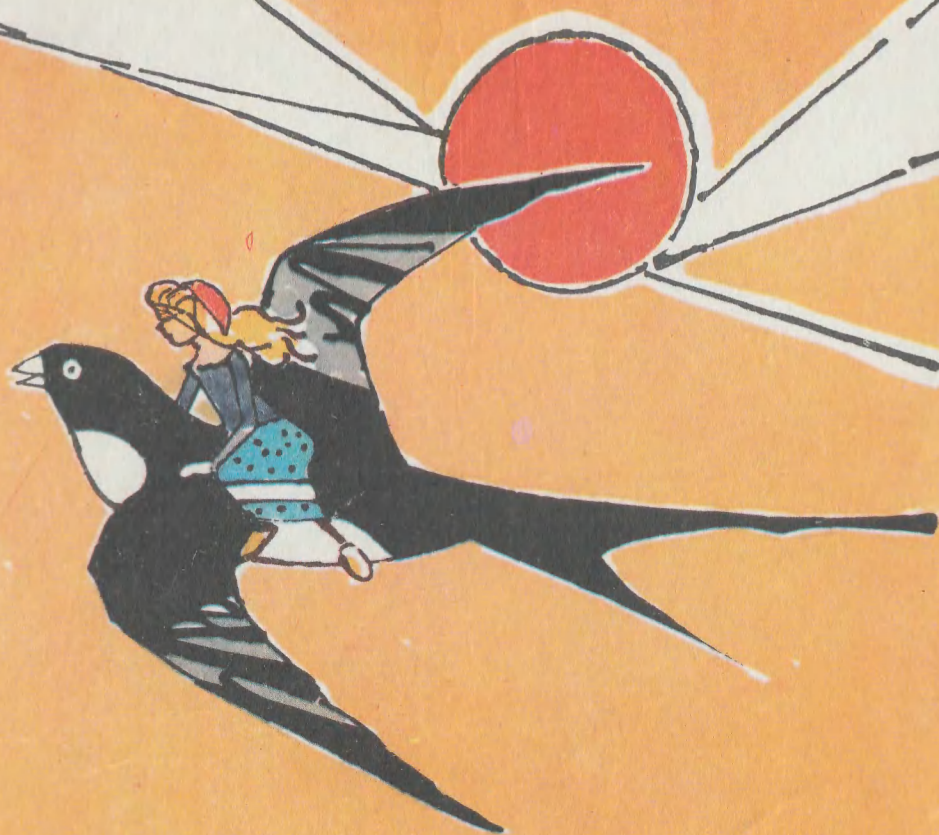

Г.-Х. АНДЕРСЕН

СКАЗКИ

Л

Школьная библиотека для нерусских школ

Г.-Х. АНДЕРСЕН

СКАЗКИ

*Перевод
с датского*

РИСУНКИ

В. Андреевского

МОСКВА *"Детская литература"* 1982

И (Дат)
А65

Перевод А. Ганзен

Рисунки В. Алфеевского

А 4803020000—033 511—82
М101(03)82

© Иллюстрации с изменениями.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1979 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Давным-давно в маленьком датском городке Одензее, в маленьком островёрхом дёмике, родился мальчик — Ганс Христиан Андерсен. Отец его был простой сапожник, мать — прачкой. Семья жила в нищете и бедности. А тут ещё случилась беда: умер отец Ганса, и жизнь стала труднее. Мать мечтала: когда сын подрастёт, может быть, портной согласится взять его к себе в ученики. Но маленький Ганс думал совсем о другом. Он хотел учиться, хотел стать образованным человеком и всю жизнь свою посвятить искусству.

Ганс любил ходить в приют к бедным старухам. Они сидели и пряли, им так нравился этот добрый, смыслённый мальчик, что они подолгу рассказывали ему сказки. И эти сказки запомнились Гансу на всю жизнь.

Ганс Христиан мечтал о театре, а был там лишь один раз. Ведь у его родителей не было денег! Однажды мальчик помог разносчику афиш расклеить их по городу, за это он

получил в подарок настоящую афишу. Дома Ганс внимательно прочитал всю афишу, а потом стал сочинять по ней пьесу. Он мастерил кукол и разыгрывал с ними целые спектакли. Так он устроил дома театр. Маленький Ганс очень любил петь. Он пел дома, а потом даже и перед жителями городка. Он пел, читал стихи... Мальчику помогли встретиться с датским принцем. Ганс сказал, что «мечтает о поступлении в гимназию». Но для этого надо было иметь деньги! И принц... отказал Гансу. Он посоветовал ему «приобрести приличную профессию», то есть заняться ремеслом попроще, более подходящим для сына сапожника.

Но юный Ганс не сдался. С несколькими серебряными монетами в кармане он отправляется в Копенгаген, столицу Дании. Чего только не испытал там юноша! Голод, холод, нужду, нищету... Он пытается учиться петь, танцевать, но его увольняют из школ. Он пишет стихи, пьесы, но он ещё неопытен, и их не печатают. Другой бы на его месте растерялся. Но Ганс Христиан не отступает. Он пишет новые пьесы, и, наконец, — счастье! — одна признана интересной. Его посылают учиться.

Высокий, почти двадцатилетний юноша усаживается за парту с десятилетними школьниками.

Ганс Христиан упорен, настойчив: он учится и пишет, пишет новые стихи и пьесы. А торговцы, мещане и, как он говорил, «дворянчики» смеются над ним: «Подумайте, сын башмачника — и взялся сочинять книги!» Но Андерсен продолжал писать. И чем больше он работал, тем становился более умелым. Талант его раскрывался и рос. И вот начинают выходить его книги, и имя его становится известным в Швеции, Норвегии, Германии, Англии и дома — в Дании. Андерсен пишет романы, повести, стихи и пьесы. Но всемирную славу ему принесли сказки.

Уж кто-кто, а Ганс Христиан знал, как тяжело жить

беднякам. И он рассказывал в своих сказках о том, что правда побеждает ложь. Что добро всегда торжествует над злом. Что если человек трудится, если он мастер своего дела, то он добьётся счастья. И все дети мира, а значит, и взрослые мира, потому что ведь каждый ребёнок вырастает во взрослого, уже более ста лет читают сказки Андерсена с любовью и благодарностью к его удивительному таланту.

Виктор Важдиев

ГАДКИЙ УТЁНОК

Хорошо было за городом! Стояло лето. На полях уже золотилась рожь, овёс зеленёл, сено было смётано в стога; по зелёному лугу расхаживал длинноногий аист и болтал по-египетски — этому языку он выучился у своей матери. За полями и лугами тянулись большие леса, а в лесах были глубокие озёра. Да, хорошо было за городом!

Прямо на солнышке лежала старая усадьба, окружённая глубокими канавами с водой; от стен дома до самой воды рос лопух, да такой большой, что маленькие ребятёшки могли стоять под самыми крупными из его листьев во весь рост. В чаще лопуха было так же глухо и дико, как в самом густом лесу, и вот там-то сидела на яйцах утка. Сидела она уже давно, и ей это порядком надоело. К тому

же её рѣдко навещали — другим уткам больше нравилось плавать по канавкам, чем сидеть в лопухах да крякать с нею.

Наконѣц яичные скорлупки затрещали.

— Пип! Пип! — запищало внутри.

Все яичные желтки бжили и высунули головки.

— Кряк! Кряк! — сказала утка.

Утята кое-как выбрабкались из скорлупы и стали озираться кругом, разглядывая зелёные листья лопуха; мать не мешала им — зелёный цвет полѣзен для глаз.

— Ах, как велик мир! — сказали утята.

Ещё бы! Теперь им было куда просторнее, чем тогда, когда они лежали в своей скорлупе.

— Уж не думаете ли вы, что тут и весь мир? — сказала мать. — Какбе там! Он тянется далеко-далеко, туда, за сад, в поле, но там я отроду не бывала!.. Ну что, все ли вы теперь тут? — И она встала. — Ах нет, не все. Самое большѣе яйцѣ целѣхонько! Да когда же этому будет концѣ! Я скоро совсѣм потеряю терпѣние.

И она усѣлась опять.

— Ну, как дела? — спросила старая утка, которая пришла её навестить.

— Да вот с одним яйцом никак не могу справиться, — сказала молодая утка. — Всѣ не лѣпается. Затѣ посмотри-ка на малюток! Просто прѣлестъ! Все, как один, — вылитый отец.

— А ну-ка покажи мне яйцѣ, которѣе не лѣпается, — сказала старая утка. — Повѣрь мне, это индюшечье яйцѣ. Вот точно так же и меня однажды провелѣ. И хлопѣт же мне было с этими индюшатами! Я никак не могла заманить их в воду. Уж я крякала, крякала — не идѣт, да и концѣ! Дай-ка я ещё раз взгляну. Ну, так и есть! Индюшечье! Брось-ка его да ступай учи своих дѣток плавать!

— Нет, уж я лучше посижу ещё немного, — сказала молодая утка. — Я столько сидела, что можно и ещё посидеть.

— Ну и сиди! — сказала старая утка и ушла.

Наконец лопнуло и большое яйцо.

— Пип! Пип! — пропищал птенец и вывалился из яйца.

Но какой же он был большой и гадкий!

Утка оглядела его.

— Ужасно велик! — сказала она. — И совсем не похож на других! Уж не индюшонок ли это, в самом деле? Ну, да в воде-то он у меня побывает, хоть бы мне пришлось столкнуть его туда силой!

На другой день погода стояла чудесная, зелёный лопух был залит солнцем.

Утка со всей своей семьёй отправилась к канаве. Бултых! — и она очутилась в воде.

— Кряк! Кряк! — позвала она, и утята один за другим тоже бултыхнулись в воду.

Сначала вода покрыла их с головой, но они сейчас же вынырнули и отлично поплыли вперёд. Лапки у них так и работали. Даже гадкий серый утёнок не отставал от других.

— Какой же это индюшонок? — сказала утка. — Вон как славно гребёт лапками! И как прямо держится! Нет, это мой собственный сын. Да он вовсе не дурён, как посмотришь на него хорошенько. Ну, живо, живо за мной! Я сейчас введу вас в общество — мы отправимся на птичий двор. Только держитесь ко мне поближе, чтобы кто-нибудь не наступил на вас, да берегитесь кошек!

Скоро добрались и до птичьего двора. Батюшки! Что тут был за шум! Два утиных семейства дрались из-за одной головки угря. И в конце концов эта головка досталась кошке.

— Так-то всегда бывает на белом свете! — сказала утка и облизнула язычком клюв — она и сама была не прочь отведать угриной головки. — Ну-ну, шевелите лапками! — сказала она утятам. — Крякните и поклонитесь вон той старой утке! Она здесь знатнее всех. Она испанской породы и потому такая жирная. Видите, у неё на лапке красный лоскуток. Как красиво! Это высшее отличие, какого только может удостоиться утка. Это значит, что её не хотят потерять, — по этому лоскутку её сразу узнают и люди и животные. Ну, живо! Да не держите лапки вместе! Благовоспитанный утёнок должен выворачивать лапки наружу, как отец и мать. Вот так! Смотрите! Теперь наклоните головки и скажите: «Кряк!»

Они так и сделали. Но другие утки оглядели их и громко заговорили:

— Ну вот, ещё целая орава! Точно без них нас мало

было! А один-то какой безобразный! Его уж мы никак не потерпим!

И сейчас же одна утка подлетела и клонула его в шею.

— Оставьте его! — сказала утка-мать. — Ведь он вам ничего не сделал!

— Положим, но он такой большой и странный! — прошипела злая утка. — Ему надо задать хорошенько.

— Славные у тебя детки! — сказала старая утка с красным лоскутком на лапке. — Все очень милы, кроме одного... Этот не удался! Хорошо бы его переделать!

— Это никак невозможно, ваша милость! — ответила утка-мать. — Он некрасив, но у него доброе сердце. А плавает он не хуже, смею даже сказать — лучше других. Я думаю, со временем он выровняется и станет поменьше. Он слишком долго пролежал в яйце и потому не совсем удался. — И она почесала ему спинку и разгладила перышки. —

Кроме того, он селезень, а селезню красота не так уж нужна. Я думаю, он вырастет сильным и пробьёт себе дорогу.

— Остальные утята очень, очень милы! — сказала старая утка. — Ну, будьте как дома, а если найдёте угрюмую головку, можете принести её мне.

Вот утята и стали вести себя как дома. Только бедного утёнка, который вылупился позже других и был такой гадкий, задевали решительно все. Его клевали, толкали и дразнили не только утки, но даже и куры.

— Слишком велик! — говорили они.

А индийский петух, который родился со шпорами на ногах и потому воображал себя императором, надулся и, словно корабль на всех парусах, подлетел прямо к утёнку, поглядел на него и сердито залопотал; гребешок у него так и налился кровью.

Бедный утёнок просто не знал, что ему делать, куда деваться. И надо же ему было уродиться таким гадким, что весь птичий двор смеётся над ним!

Так прошёл первый день, а потом стало ещё хуже. Все гнали бедного утёнка, даже братья и сёстры сердито говорили ему: «Хоть бы кошка утатила тебя, несносный урод!» А мать прибавляла: «Глаза бы мои тебя не видели!» Утки щипали его, куры клевали, а девушка, которая давала птицам корм, отталкивала его ногою.

Наконец утёнок не выдержал, перебежал двор — и через изгородь! Маленькие птички испуганно вспорхнули из кустов.

«Он испугался меня — такой я безобразный!» — подумал утёнок и пустился с закрытыми глазами дальше. Он бежал до тех пор, пока не очутился в болоте, где жили дикие утки. Здесь он пролежал всю ночь. Он устал, и ему было очень грустно.

Утром дикие утки поднялись из гнёзд и увидели нового товарища.

— Это что за птица? — спросили онѣ.

Утѣнок вертѣлся и кланялся во все стороны как умѣл.

— Ну и гадкій же ты! — сказали дѣкие утки. — Впрочем, нам до этого нет дѣла, только не вздумай, пожалуйста, породниться с нами.

Бедняжка! Где уж ему было и думать об этом! Только бы позволили ему посидѣть тут в камышах да попѣть болотной водѣцы.

Так просидѣл он в болоте два дня. На третѣй день туда прилетѣли два дѣких гусака. Онѣ только недавно вѣлупились из яиц и поэтому очень важничали.

— Слушай, дружище! — сказали онѣ. — Ты такой смешной урод, что, право, нравишься нам! Хочешь бродѣть с нами и быть вольной птицей? Здесь поблизости есть другбе болото, там живут премѣленькие дѣкие гусыни-барышни. Онѣ умѣют говорить: «Рап, рап!» Ты такой урод, что, чего дѣброго, будешь имѣть у них большѣй успѣх.

«Пиф! Паф!» — раздалось вдруг над болотом, и оба гусака упали в камыши мѣртвыми; вода покраснѣла от крови. «Пиф! Паф!» — раздалось опѣть, и из камышей поднялась цѣлая стая дѣких гусей. Пошла пальба. Охотники окружили болото со всех сторон; нѣкоторые из них засѣли даже в навѣсших над болотом ветвях деревьев. Голубѣй дым облаками окутывал деревья и стлался над водѣй. По болоту бѣгали охотничьи собаки — шлѣп! шлѣп! Камыш и осока качались из стороны в сторону. Бѣдный утѣнок был ни жив ни мѣртв от страха. Он хотѣл было спрятать голову под крылышко, как вдруг прямо перед ним очутилась охотничья собака с высунутым языком и сверкающими злыми глазами. Она посмотрѣла на утенка, оскалила острые зѣбы и — шлѣп! шлѣп! — побежала дальше.

«Не тронула, — подумал утѣнок и перевѣл дух. — Видно, я такой безобразный, что даже собаке противно съѣсть меня!»

И он притаялся в камышах. Над головою его то и дело свистела дробь, раздавались выстрелы.

Пальба стихла только к вечеру, но утенок долго ещё боялся пошевелинуться.

Прошло несколько часов. Наконец он осмелился встать, осторожно огляделся и пустился бежать дальше по полям и лугам. Дул такой сильный ветер, что утенок еле-еле мог двигаться.

К ночи он добежал до бедной избушки. Избушка до того обветшала, что готова была упасть, да не знала, на какой бок, потому и держалась.

Ветер так и подхватывал утенка — приходилось упираться в землю хвостом.

К счастью, он заметил, что дверь избушки соскочила с одной петли и висит так криво, что можно свободно проскользнуть через эту щель в избушку. Так он и сделал.

В избушке жила старуха со своим котом и курицей. Кот она звала сыночком; он умел выгибать спину, мурлыкать и даже испускать искры, но для этого надо было погладить его против шерсти. У курицы были маленькие, коротенькие ножки, и потому её так и прозвали Коротконожкой; она прилежно несла яйца, и старушка любила её, как дочку.

Утром чужого утенка заметили. Кот начал мурлыкать, а курица хлопать.

— Что там? — спросила старушка.

Она осмотрелась кругом и увидела в углу утенка, но по слепоте своей приняла его за жирную утку, которая отбилась от дому.

— Вот так находка! — сказала старушка. — Теперь у меня будут утиные яйца, если только это не селезень. Ну, да увидим, испытаем!

И утенка приняли на испытание. Но прошло недели три, а яиц всё не было.

Настоящим хозяином в доме был кот, а хозяйкой курица, и оба всегда говорили: «Мы и весь свет!» Они считали самих себя половиной всего света, и притом лучшей половиной. Правда, утенку казалось, что можно на этот счёт быть и другого мнения. Но курица этого не допускала.

— Умёешь ты нести яйца? — спросила она утёнка.

— Нет.

— Так и держи язык на привязи!

А кот спросил:

— Умёешь ты выгибать спину, испускать искры и мурлыкать?

— Нет.

— Так и не суйся со своим мнением, когда говорят умные люди!

И утёнок сидел в углу нахлывшись.

Вдруг ему вспомнился свежий воздух, вспомнилось солнышко, и ему страшно захотелось поплавать. Он не выдержал и сказал об этом курице.

— Да что с тобой? — спросила она. — Бездельничаешь, вот тебе в голову и лезет всякая чепуха! Неси-ка яйца или мурлычь, дурь-то и пройдёт!

— Ах, плавать так приятно! — сказал утёнок. — Такое удовольствие нырнуть вниз головой в самую глубь!

— Вот так удовольствие! — сказала курица. — Ты совсем с ума сошёл! Спроси у кота — он умнее всех, кого я знаю, — нравится ли ему плавать и нырять. О себе самый я уж и не говорю! Спроси, наконец, у нашей старушки госпожи, умнее её уж наверно никого нет на свете! Она тебе скажет, любит ли она нырять вниз головой в самую глубь.

— Вы меня не понимаете! — сказал утёнок.

— Если уж мы не понимаем, так кто тебя поймёт! Что ж, ты хочешь быть умнее кота и нашей госпожи, не говоря уже обо мне? Не дури, а будь благодарен за всё, что для

тебя сделали! Тебя приютили, пригрели, ты попал в такое общество, в котором можешь кое-чему научиться. Но ты пустая голова, и разговаривать с тобой не стоит. Уж поверь мне! Я желаю тебе добра, потому и браню тебя. Так всегда узнаются истинные друзья. Старайся же нести яйца или научись мурлыкать да испускать искры!

— Я думаю, мне лучше уйти отсюда куда глаза глядят,— сказал утенок.

— Ну и ступай себе! — отвечала курица.

И утенок ушёл. Он плавал и нырял вниз головой, но все вокруг по-прежнему смеялись над ним и называли его гадким и безобразным. Настала осень. Листья на деревьях пожелтели и побурели; ветер подхватывал и кружил их по воздуху. Стало очень холодно. Тяжёлые тучи сыпали на землю то град, то снег, а на изгороди сидел ворон и каркал от холода во всё горло. Брр! Замёрзнешь при одной мысли о таком холоде! Плохо приходилось бедному утенку.

Раз под вечер, когда солнышко ещё сияло на небе, из-за леса поднялась целая стая чуждых, больших птиц. Таких красивых птиц утенок никогда ещё не видал — все они были белые как снег, с длинными, гибкими шеями.

Это были лебеди. Испуская какие-то странные крики, они взмахнули великолепными большими крыльями и полетели с холодных лугов в тёплые края, за синее море. Они поднялись высоко-высоко, а бедного утенка охватила непонятная тревога. Он завертелся в воде, как волчок, вытянул шею и тоже закричал, да так громко и странно, что сам испугался. Ах, он не мог оторвать глаз от этих прекрасных, счастливых птиц, а когда они совсем скрылись из виду, он нырнул на самое дно, выплыл опять и долго не мог опомниться. Утенок не знал, как зовут этих птиц, не знал, куда они летят, но любил их, как не любил до сих пор никого на свете. Красоте их он не завидовал; ему и в голову

не приходило, что он может быть таким же красивым, как они.

Он был бы рад-радехонек, если б хоть утки не отталкивали его от себя. Бедный гадкий утенок!

Зима настала холодная-прехолодная. Утенок должен был плавать по воде без отдыха, чтобы не дать ей замёрзнуть совсем, но с каждой ночью полынья, в которой он плавал, становилась всё меньше и меньше. Морозило так, что даже лёд трескивал. Утенок без усталости работал лапками. Под конец он совсем выбился из сил, растянулся и примёрз ко льду.

Рано утром мимо проходил крестьянин. Он увидал при-

мёрзшего ко льду утёнка, разбил лёд своими деревянными башмаками и отнёс полумёртвую птицу к женё. Утёнка отогрели.

Дёти вздумали поиграть с ним, но ему показало́сь, что онѣ хотѣт обидеть его́.

Он шарáхнулся от стра́ха и попа́л прямо в подбóйник с молоко́м. Молоко́ расплеска́лось. Хозя́йка вскрикнула и замахáла рука́ми, а утёнок замета́лся по ко́мнате, влетёл в ка́дку с ма́слом, а оттуда́ — в бо́чбнок с муко́й. Ба́тюшки, на что он стал похо́ж!

Же́нщина гоня́лась за ним с уго́льными щипца́ми, де́ти бе́гали, сшиба́я друг дру́га с ног, хохота́ли и визжа́ли. Хоро́шо, что дверь бы́ла откры́та, — утёнок вы́скочил, кину́лся в кусты́, прямо на све́жевы́павший снег, и до́лго-до́лго лежа́л там почти́ без чувств.

Было́ бы сли́шком печа́льно расска́зывать про все бе́ды и несча́стья утёнка в э́ту суро́вую зи́му.

Когда́ же со́лнышко о́пять пригре́ло зе́млю свои́ми тёплыми луча́ми, он лежа́л в боло́те, в камыша́х. Запе́ли жа́воронки. Верну́лась весна́!

Утёнок взмахну́л кры́льями и полете́л. Кры́лья его́ те́перь бы́ли куда́ крѣпче пре́жнего, онѣ зашумѣли и бы́стро понесли́ его́ впе́рёд. Не успе́л он опомни́ться, как очути́лся в большо́м саду́. Яблони стоя́ли все в цвето́у; души́стая си́рень скло́няла свои́ дли́нные зелёные ве́тви над изви́стым кана́лом. Ах, как тут бы́ло хоро́шо, как па́хло весно́ю!

И вдруг из ча́щи тростника́ выплы́ли три чуде́сных бе́лых лебе́дя. Онѣ плы́ли так легко́ и пла́вно, то́чно скользи́ли по водо́е. Утёнок узна́л э́тих прекра́сных птиц, и его́ охвати́ла кака́я-то непоня́тная грусть.

— Полечу́ к ним, к э́тим велича́вым пти́цам. Онѣ, на́верное, заклю́ют меня́ на́смерть за то, что я, тако́й га́дкий, осме́лился прибли́зиться к ним, но пусть! Лу́чше поги́бнуть

от их удáров, чем сносить щипкí уток и кур, пинкí птíчницы да терпéть хóлод и гóлод зимóю!

И он опустилсá нá воду и поплýб навстрéчу прелкáсным лебедýм, кóтóрые, завíдя егó, замахáли крýльями и тóже поплýбили к немý.

— Убéйте меня! — скáзáл бéдный утёнок и нízко опустил гóлову.

И вдруг в чýстой, как зёркало, водé он увíдел своё сóбственное отражéние. Но тепérь он был ужé не гáдким тёмно-сéрым утёнком, а бéлым лебедем.

Тепérь утёнок был даже рад, что перенёс стóлько гóря и бед. Он мнóго вýтерпел и пóэтому мог лýчше оценíть своё счáстье и всё то великолéпие, кóтóрое окружáло егó. А большúе лебеди плáвали вокрýг и глáдили егó своими клóвами.

В это врéмя в сад прибежáли мáленькие дéти. Онí стáли бросáть лебедýм хлéбные крóшки и зёрна, а сáмый млáдший из них закричáл:

— Нóвый прилетёл! Нóвый прилетёл!

И все остальнýе подхватíли:

— Нóвый, нóвый!

Дéти хлопáли в ладóши и плясáли от рáдости. Потóм онí побежáли за отцóм и мáтерью и опýть стáли бросáть в воду крóшки хлéба и пирóжного. И дéти и взрóслые говорíли:

— Нóвый лебедь лýчше всех! Он такóй красíвый и млóдой!

И стáрые лебеди склонíли перед ним гóлову.

А он совсём смутíлся и спрýтал гóлову под крýло, сам не знáя зaчём. Он вспóмнил то врéмя, когдá все смеялись над ним и гнáли егó. А тепérь все говорýт, что он сáмый прелкáсный средí прелкáсных лебедéй! Сирéнь наклоняла к немý в воду свой душúстые вéтви, а сóлнышко светíло

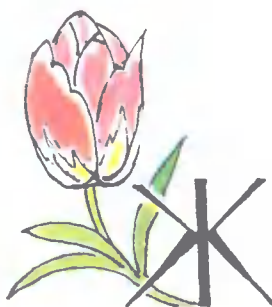
так тепло, так ярко... И вот крылья его зашумели, стройная шея выпрямилась, а из груди вырвался ликующий крик:

— Нет, о таком счастье я и не мечтал, когда был ещё гадким утёнком!

ДЮЙМОВОЧКА

ила́ одна́ же́нщина, и не́ было у неё де-
тёй. А ей о́чень хоте́лось ма́ленького ребёночка. Вот пошла́
она́ к ста́рой колдúнье и сказа́ла:

— Мне о́чень хо́чется, что́бы у меня́ была́ до́чка. Не
ска́жешь ли ты, где мне её взять?

— Почему́ не сказа́ть? — отве́тила колдúнья. — Вот тебе́
ячме́нное зерно́. Это зерно́ не простóе, не такóе, какие рас-
ту́т на крестья́нских поля́х и кото́рыми ко́рмят кур. Посади́
ты э́то зёрнышко в цвето́чный горшо́к, а пото́м уви́дишь,
что бу́дет.

— Спаси́бо тебе́! — сказа́ла же́нщина и дала́ колдúнье
двена́дцать гроше́й.

Пото́м она́ пошла́ домóй и посади́ла ячме́нное зёрнышко

в цветóчный горшóк. Тóлько она́ его посадила, зёрнышко сразу́ да́ло ростóк, а из ростка́ вы́рос большóй чудёсный цветóк, совсём как тюльпáн. Но лепесткí цветка́ были плóтно сжáты, тóчно у нераспустившегося бутóна.

— Какóй прелёстный цветóк! — сказа́ла же́нщина и поцелова́ла краси́вые пёстрые лепесткí.

И как тóлько она́ поцелова́ла лепесткí, там внутрí, в бутóне, чтó-то щёлкнуло, и цветóк распусти́лся. Это был то́чь-в-то́чь тюльпáн, но в самóй ча́шечке на зелёном пёстике цветка́ сидела́ де́вочка. Она́ была́ ма́ленькая-ма́ленькая, всегó в дюйм рóстом. Её так и прозва́ли Дюймóвочкой.

Скорлúпка грецко́го оре́ха была́ её колыбёлькой, голубые фиáлки — перíной, а лепестóк рóзы — одеялом. В скорлúпке она́ спала́ нóчью, а днём игра́ла на столе́. Же́нщина поста́вила на стол тарёлку с водо́й, а на краё тарёлки положи́ла цветы́, и дли́нные стебелькí цветóв купа́лись в воде́. Для ма́ленькой Дюймóвочки тарёлка с водо́й была́ це́лым о́зером, и Дюймóвочка пла́вала по э́тому о́зеру на лепестке́ тюльпáна, как на лóдочке. Вме́сто вёсел у неё были́ два бе́лых ко́нских во́лоса. Дюймóвочка це́лые дни ката́лась на своёй чудёсной лóдочке, переплыва́ла с однóй сторо́ны тарёлки на друго́ю и распева́ла пёсни. Тако́го не́жного голосо́ка, как у неё, никто́ никогда́ не слы́шал.

Одна́жды нóчью, когда́ Дюймóвочка спала́ в своёй колыбёлке, че́рез откры́тое окно́ в ко́мнату влё́зла большúщая жа́ба, мо́края и безобра́зная.

Она́ вспры́гнула пря́мо на стол и загляну́ла в скорлúпку, где спала́ под лепестко́м рóзы Дюймóвочка.

— Вот сла́вная же́на́ бу́дет моему́ сынку́! — сказа́ла жа́ба.

Она́ схвати́ла оре́ховую скорлúпку с де́вочкой и выпры́гнула че́рез окно́ в сад.

В саду́ протека́ла рёчка, а у са́мого её бе́рега было́ то́пкое

болото. Здесь-то, в болотной тине, и жила старая жаба со своим сыном. Сын был тоже мокрый и безобразный — точь-в-точь как и его мать, старая жаба.

— Коакс, коакс, бреккэ-ке-кекс! — только и мог он сказать, когда увидел маленькую девочку в ореховой скорлупке.

— Тихе ты! Разбудишь её, и она убежит от нас, — сказала старая жаба. — Она ведь легче лебединого пуха. Посадим-ка её на самую середину реки, на широкий лист кувшинки, — это целый остров для такой крошки. Оттуда уж ей ни за что не убежать. А я тем временем устрою для вас в тине уютное гнездышко.

В реке росло много кувшинок; их широкие зелёные листья плавали по воде. Самый большой лист был дальше всех от берега. Жаба подплыла к этому листу и поставила на него ореховую скорлупку, в которой спокойно спала девочка.

Рано́ утром просну́лась Дюймо́вочка и вдруг уви́дела, что она́ оказа́лась на листе́ кувши́нки; кругом, куда́ ни посмо́тришь, вода́, а бе́рег чуть видне́ется вдаль. Дюймо́вочка о́чень испуга́лась и запла́кала.

А ста́рая жа́ба сидела́ в ти́не и украша́ла свой дом ка́мышом и же́лыми кувши́нками — она́ хоте́ла угоди́ть молодо́й неве́стке. Когда́ всё бы́ло гото́во, жа́ба поплы́ла со своим га́дким сыно́ком к листу́, на кото́ром сидела́ Дюймо́вочка, что́бы взять её кровáтку и поста́вить в спа́льне. Ста́рая жа́ба ни́зко присе́ла в воде́ перед де́вочкой и сказа́ла:

— Вот мой сыно́к! Он бу́дет твоим му́жем. Вы сла́вно заживёте с ним у нас в ти́не.

— Коа́кс, коа́кс, уреккё-ке-кекс! — то́лько и мог сказа́ть сыно́к.

Жа́бы взяли́ скорлу́пку и уплы́ли с ней, а Дюймо́вочка оста́лась одна́ на зелёном листе́ и го́рько-го́рько пла́кала — ей во́все не хоте́лось жить у га́дкой жа́бы и выходи́ть за́муж за её проти́вного сы́на.

Ма́ленькие ры́бки, кото́рые пла́вали под водо́й, ви́дели жа́бу и её сы́на и слы́шали, что она́ говори́ла Дюймо́вочке.

Они́ вы́сунули из водо́й свои́ го́ловы, что́бы погляде́ть на кро́шку неве́сту. Как то́лько ры́бы уви́дели Дюймо́вочку, им ста́ло ужа́сно жа́лко, что тако́й преле́стной де́вочке приде́тся жить с жа́бами. Не быва́ть же э́тому! Ры́бки со всей ре́чки подплы́ли к листу́ кувши́нки, на кото́ром сидела́ Дюймо́вочка, и перекусы́ли стебелёк листа́.

И вот лист кувши́нки поплы́л по течению́. Течение́ бы́ло си́льное, и лист с де́вочкой плыл о́чень бы́стро. Тепе́рь жа́ба ника́к не могла́ бы догна́ть Дюймо́вочку.

А Дюймо́вочка плы́ла всё да́льше, и ма́ленькие пти́чки, кото́рые сидели́ в куста́х, смотре́ли на неё и пе́ли:

— Кака́я хоро́шенькая ма́ленькая де́вочка!

Красивый белый мотылёк всё время порхал вокруг Дюймовочки и наконец опустился на лист — уж очень ему понравилась маленькая девочка. Тогда Дюймовочка сняла с себя нбяс, один конец набросила на мотылька, а другой привязала к своему листку, и листок поплыл ещё быстрее.

Вдруг мимо пролетел майский жук. Он увидел Дюймовочку, схватил её и унёс на дерево, а зелёный лист кувшинки поплыл дальше, и с ним мотылёк — он ведь был привязан и не мог освободиться.

Бедная Дюймовочка очень испугалась, когда жук схватил её и полетел с ней на дерево. Но майскому жуку и горя было мало. Он уселся высоко на дереве, покормил Дюймовочку сладким цветочным соком и сказал ей, что она ему очень нравится, хотя она и совсем не похожа на майского жука.

Потом к ним пришли в гости другие майские жуки, которые жили на том же дереве. Они разглядывали Дюймовочку с головы до ног, а жучки-барышни пожимали щупальцами.

— У неё только две ножки! — говорили одни.

— У неё даже нет щупалец! — сказали другие.

— Какая она тонкая! Она совсем как человек! — сказали трети.

— Она очень некрасивая! — решили, наконец, все жуки.

Тут майскому жуку, который принёс Дюймовочку, показалось тоже, что она очень некрасивая, и он не захотел больше держать её у себя — пусть идёт куда знает. Он слетел с нею вниз и посадил её на ромашку.

Дюймовочка сидела на цветке и плакала: ей было обидно, что она такая некрасивая. Даже майские жуки прогнали её.

Всё лето прожила Дюймовочка одна-одинёшенька в лесу. Она сплела себе из травы колыбельку и повесила эту колыбельку под большой лист лопуха, чтобы её не замочил

дождик. Она ела сладкий цветочный мёд и пила росу, которую каждое утро находила на листьях.

Так прошло лето, прошла и осень. Приближалась длинная холодная зима. Все птички улетели, цветы завяли, а большой лопух, под которым жила Дюймовочка, пожелтел, засох и свернулся в трубочку.

Дюймовочка дрожала от холода: платье её всё разорвалось, а она была такая маленькая, нежная — как ей не мёрзнуть! Пошёл снег, и каждая снежинка была для Дюймовочки то же, что для нас целая лопата снега. Мы ведь большие, а она была всего-то с дюйм ростом. Она завернулась было в сухой лист, но он совсем не грел, и Дюймовочка сама дрожала как осенний лист.

Наконец Дюймовочка решила уйти из лесу и поискать себе где-нибудь приют на зиму.

За лесом, в котором жила Дюймовочка, было большое поле. Хлеб с поля уже давно убрали, и только короткие сухие стебельки торчали из мерзлой земли.

В поле было ещё холоднее, чем в лесу, и бедняжка со-
всём замёрзла. И вот Дюймовочка пришлa к норке полевóй
мыши; вход в норку был прикрыт сухими стебельками и бы-
линками. Полевáя мышь жилá в теплe и довольстве: кúхня
и кладовáя у неё были битком набиты хлебными зёрнами.
Дюймовочка стáла у порóга, как нищенка, и попросила по-
дáть ей кусóчек ячмéнного зёрнышка — она́ два дня ничего́
не ёла.

— Ах ты бедняжка! — сказа́ла полевáя мышь (она́ бы-
ла, в сýщности, добрая старúха). — Ну, иди сюда́, погрéйся
да поeшь со мной!

И Дюймовочка спусти́лась в норку, обогрeлась и поeла.
Старúхе де́вочка о́чень понра́вилась, и она́ сказа́ла ей:

— Остава́йся у меня́ на зиму. Я бóду корми́ть тебя́, а
ты убира́й хороше́нько мой дом да рассказы́вай мне скáзки —
я о́чень люблю́ скáзки.

И Дюймовочка стáла де́лать всё, что прика́зывала ей
ста́рая мышь. Ей жилóсь отлúчно в тёплой мышíной норке.

— Ско́ро у нас бóдут гóсти, — сказа́ла одна́жды полевáя
мышь. — Раз в неде́лю прихóдит навести́ть меня́ мой сосeд.
Он о́чень богáт и живёт куда́ лúчнее меня́. У него́ большо́й
дом под землёй, и он но́сит чуде́сную чёрную ба́рхатную
шúбу. Выходи́, де́вочка, за него́ зáмуж! Уж с нím-то ты не
пропаде́шь. Одна́ то́лько беда́: он совсeм слeпóй и не уви́дит
тебя́. Зато ты бóдешь рассказы́вать ему́ са́мые лúчные скáзки,
какие то́лько зна́ешь.

Но Дюймовочке во́все не хоте́лось выходи́ть зáмуж за
сосeда — это́ ведь был крот.

Вскóре крот в са́мом де́ле пришёл в гóсти к полевóй
мыши. Он был тако́й ва́жный, учёный и богáтый; шúба на
нём была́ ба́рхатная и о́чень краси́вая.

Дом у него́ был в два́дцать раз бо́льше, чем до́мик поле-
во́й мыши. Там было́ мно́го большо́х ко́мнат и дли́нных кори-

дóров, но сóлнце никогда не заглядывало туда. Крот терпéть не мог сóлнца и не выносíл цвётóв — он ведь их никогда не вíдел.

Дюймóвочку застáвили петь для вáжного гóстя, и она спéла две пёсенки, да так хорошó, что крот сразу полюбíл её. Но он не сказáл ни слóва — он был такой степенный и солидный господíн.

А потóм крот проры́л под землёй длинный подзёмный ход от своего дóма к сáмой нóрке полевой мыши и пригласíл старую мышь и Дюймóвочку прогуля́ться по éтому подзёмному хóду.

Крот взял в рот гнилу́шку — в темнотé ведь гнилу́шка свéтит всё равно́ что свéчка — и пошёл вперёд, освещáя длинный и ширóкий коридóр. На полпутí крот остановíлся и сказáл:

— Здесь лежít какáя-то птíца. Но вам её нéчего боя́ться — она́ мёртвая.

И крот проткну́л своим ширóким нóсом дырку в потоло́ке — дневной свет проник в подзёмный ход, и Дюймóвочка уви́дела мёртвую ла́сточку. Это была́ настоящая птíца, с пёрыями и с клю́вом; она́, должно́ быть, умерла́ недáвно, в началé зимы́, и упáла в нóрку кротá.

Крылышки мёртвой птíчки были крёпко прижáты к тóлу, нóжки и головá спрятаны в пёрышки. Бédная ла́сточка, навёрно́, умерла́ от хóлода. Дюймóвочке стáло óчень жáлко её, она́ так лóбит птíчек — ведь онí цéлое лéто пéли её свой чудесные пёсенки. Но крот толкну́л ла́сточку своими корóткими ла́пами и сказáл:

— Тепéрь уж не посвистíшь! Да, не хотёл бы я родíться вот такой пичужкой! Она́ тóлько и умéет чирикáть да щебетáть, а придёт зимá — что её дéлать: помира́й с гóлоду и хóлоду. Вот уж мо́им дéтям зимы́ не придётся боя́ться.

— Да, да! — сказáла полевáя мышь. — Какóй прок от

этого чирикания? Песнями сыт не будешь, чириканьем зимой не согреешься.

А Дюймовочка молчала, но, когда крот и мышь повернулись к птице спиной, Дюймовочка нагнулась к ласточке, раздвинула перышки и поцеловала её прямо в закрытые глаза.

«Может быть, это та самая ласточка, которая так чудесно распевала летом? — подумала девочка. — Сколько радости доставила ты мне, милая птичка!»

Потом крот заткнул дыру в потолке и проводил старуху мышь и Дюймовочку домой.

Ночью Дюймовочке не спалось. Она встала с постельки, сплела из сухих былинки большой ковёр, пошла в подземный ход и прикрыла ковром мертвую птичку. Потом Дюймовочка принесла из мышиной норки пушистый мягкий мох и устроила из него постельку, чтобы мертвой птичке было удобнее лежать.

— Прощай, милая ласточка! — сказала Дюймовочка. — Прощай! Спасибо тебе за то, что ты так чудесно пела мне летом, когда деревья были ещё зелёные, а солнышко так славно грело!

И она склонила голову на грудь птички и вдруг испугалась: она услышала, как в груди ласточки что-то стучит. Это забилося сердце птицы — она была не совсем мертвая, а только околела от холода. А теперь она согрелась и ожилá.

Дюймовочка дрожала от страха — ведь птица была просто великаном по сравнению с такой крошкой. Но всё-таки Дюймовочка собралась с духом, поплотнее закутала ласточку ковриком, а потом сбегала, принесла листок мяты, которым сама укрывалась, и прикрыла им голову птицы.

На следующую ночь Дюймовочка опять потихоньку пробралась к птице. Ласточка уже совсем ожилá, только была

ещё очень слабá и еле-еле открýла глазá, чтóбы посмотре́ть на де́вочку. Дюймóвочка стояла перед не́ю с кусо́м гнилу́шки в рука́х — друго́го фонаря́ у неё не́ было.

— Спаси́бо тебе́, ми́лая кро́шка! — сказа́ла больна́я ла́сточка. — Я так хоро́шо согре́лась! Ско́ро я совсе́м попра́влюсь и о́пять полечу́ на со́лнышко.

— Ах, — сказа́ла Дюймóвочка, — тепе́рь так хо́лодно, идёт снег! Оста́нься лу́чше в своёй тёплой постёльке, а я бу́ду уха́живать за тобо́й.

Дюймóвочка прине́сла ла́сточке воды́ в цвето́чном лепестке́ и не́сколько ячме́нных зё́рнышек. Ла́сточка попи́ла и пое́ла, а пото́м расска́зала де́вочке, как она́ порáнила себе́ крыло́ о терно́вый куст и не мо́гла улете́ть вме́сте с други́ми ла́сточками в тёплые кра́я. Пришла́ зима́, ста́ло о́чень хо́лодно, и она́ упáла на зёмлю... Бо́льше ла́сточка уже́

ничего не помнила, и как попала сюда, в подземелье, она не знала.

Всю зиму прожила ласточка в подземелье, а Дюймовочка ухаживала за ней.

Ни крот, ни полевая мышь ничего не знали об этом — они ведь совсем не любили птичек.

Когда настала весна и пригрело солнышко, Дюймовочка открыла дыру, которую проделал в потолке крот, чтобы ласточка могла улететь.

Ласточка спросила, не хочет ли девочка отправиться вместе с нею — пусть сядет к ней на спину, и они полетят в зелёный лес. Но Дюймовочке было жалко старую полевую мышь — она знала, что старухе без неё будет очень скучно.

— Нет, я не могу улететь с тобой, — сказала она ласточке.

— Прощай, прощай, милая девочка! — прощбетала ласточка и вылетела на волю.

Дюймовочка посмотрела ей вслед, и слёзы закапали у неё из глаз — уж очень полюбила она птичку.

— Тви-вить, тви-вить! — крикнула ласточка и скрылась в зелёном лесу.

А Дюймовочка осталась в мышиной норе. Теперь ей жить было очень плохо. Ей совсем не позволяли выходить на солнышко, а поле вокруг норки полевой мышью заросло высокими, толстыми колосьями и казалось Дюймовочке дремучим лесом.

И вот однажды пришёл старый крот и посватался к Дюймовочке.

— Ну, теперь тебе нужно готовить приданое, — сказала старуха мышь. — Ты выйдешь замуж за важного господина, и надо, чтобы у тебя всего было вдвоём.

И Дюймовочке пришлось по целым дням пряхать пряжу.

Старуха мышь наняла четырёх пауков, и они днём и ночью сидели в мышьиной норе и ткали разные ткани.

А толстый слепой крот приходил каждый вечер в гости и болтал о том, что скоро лёту будет конец, солнце перестанет палить землю и она снова станет мягкой и рыхлой. Вот тогда они сыграют свадьбу. Но Дюймовочка всё грустила и плакала: она совсем не хотела выходить замуж за толстого крота.

Каждое утро, на восходе солнца, и каждый вечер, на закате, Дюймовочка выходила на порог мышьиной норки; иногда ветер раздвигал верхушки колосьев, и ей удавалось увидеть кусочек голубого неба.

«Как светло, как хорошо тут, на воле!» — думала Дюймовочка и всё вспоминала о ласточке; ей очень хотелось бы повидаться с птичкой, но ласточки нигде не было видно: должно быть, она летала там, далеко-далеко в зелёном лесу.

И вот наступила осень. Приданое Дюймовочки было горю.

— Через четыре недели твоё свадебное! — сказала Дюймовочке полевая мышь.

Но Дюймовочка заплакала и сказала, что не хочет выходить замуж за скучного крота.

— Глупости! — сказала старуха мышь. — Не упрямься, а не то я укушу тебя своим белым зубом. Чем тебе крот не муж? У самой королевы нет такой чёрной бархатной шубки, как у него. Да и в погребях у него не пусто. Бога благодарю за такого мужа!

Наконец настал день свадьбы, и крот пришёл за своей невестой. Теперь Дюймовочке придётся переселиться в кротовую нору, жить глубоко под землёй, и никогда она не увидит солнца: крот ни за что не позволит ей выходить из норы.

А бедной Дюймовочке было так тяжело навсегда распрощаться с ясным солнышком! И Дюймовочка вышла взглянуть на солнышко в последний раз.

Хлеб был уже убран с поля, и из земли опять торчали одни голые, засохшие стебли. Девочка отошла от мышиной норки подальше и протянула к солнцу руки:

— Прощай, солнышко, прощай!

Потом она увидела маленький красный цветочек, обняла его и сказала:

— Поклонись, цветочек, от меня милой ласточке, если увидишь её!

— Тви-вить, тви-вить! — вдруг раздалось над её головой.

Дюймовочка подняла глаза и увидела ласточку, которая пролетала мимо. Ласточка тоже увидела девочку и очень обрадовалась, а Дюймовочка заплакала и рассказала ласточке, как ей не хочется выходить замуж за толстого крота и жить с ним глубоко под землёй, куда никогда не заглядывает солнышко.

— Уже наступает холодная зима, — сказала ласточка, — и я улетаю далеко-далек, в тёплые края. Хочешь лететь со мной? Садись ко мне на спину, только привяжи себя покрепче поясом, и мы улетим с тобой от гадкого крота, улетим далеко, за синее море, где солнышко светит ярче, где всегда лето и цветут чудесные цветы. Полетим со мной, милая крошка! Ты ведь спасла мне жизнь, когда я замерзала в тёмной, холодной яме.

— Да, да, я полечу с тобой! — сказала Дюймовочка.

Она села ласточке на спину и крепко привязала себя поясом к самому большому перышку.

Ласточка взвилась стрелой и полетела над тёмными лесами, над синими морями и высокими горами, покрытыми снегом. Тут было очень холодно, и Дюймовочка вся зарылась в

тёплые перья ласточки и высунула только голову, чтобы любоваться прекрасными местами, над которыми они пролетали.

Но вот и тёплые края! Тут солнце сияло гораздо ярче, небо было вдвое выше, чем у нас, а вдоль канав и изгородей вился чудесный зелёный виноград. В лесах росли лимонны и апельсины, пахло миртами и душистой мятой, а по дорожкам бегали весёлые ребятки и ловили больших пёстрых бабочек.

Но ласточка летела всё дальше.

На берегу прекрасного голубого озера среди зелёных кудрявых деревьев стоял старинный белый мраморный дворец. Виноградные лозы обвивали его высокие колонны, а наверху под крышей лепились птичьи гнёзда. В одном из них и жила ласточка.

— Вот мой дом! — сказала ласточка. — А ты выбери себе самый красивый цветок внизу, я посажу тебя туда, и ты заживёшь прекрасно.

Дюймовочка обрадовалась и от радости захлопала в ладоши.

Внизу лежали куски белого мрамора — это свалилась верхушка одной колонны и разбилась на три куса, — между мраморными обломками росли большие белые цветы. Ласточка спустилась и посадила девочку на широкий лепесток. Но что за чудо! В чашечке цветка сидел маленький человечек, беленький и прозрачный, как будто он был из стекла. За плечами у него дрожали лёгкие крылышки, а на голове блестела маленькая золотая корона. Ростом он был не больше нашей Дюймовочки. Это был король эльфов.

Когда ласточка подлетела к цветку, эльф совсем перепугался. Он был такой крошечный, ласточка такая большая! Но он очень обрадовался, когда увидел Дюймовочку, — он никогда ещё не видал такой красивой девочки. Он низко поклонился ей и спросил, как её зовут.

— Дюймóвочка, — отвéтила дéвочка.

— Мíлая Дюймóвочка, — сказа́л э́льф, — не хóчешь ли ты быть моéй жено́й?

И Дюймóвочка сра́зу согласи́лась.

Тогда́ из ка́ждого цветка́ вылетели э́лфы и принесли́ Дюймóвочке подáрки. Са́мым лу́чим подáрком бы́ли прозра́чные кры́лышки, совсе́м как у стрекозы́. Их привяза́ли Дюймóвочке на спи́ну, и она́ то́же могла́ тепе́рь летáть с цветка́ на цвето́к. То-то бы́ло ра́дости и весе́лья!

А ла́сточка сидела́ наверху́, в своём гнёздышке, и распевáла пёсны как умела́.

Она́ пела́ э́льфам весёлые пёсны всю тёплую зиму́, а когда́ в холо́дных стра́нах пришла́ весна́, ла́сточка ста́ла собира́ться на ро́дину.

— Проща́й, проща́й! — прощепета́ла ла́сточка и о́пять полетела́ из тёплых краёв в Да́нию.

Там у неё бы́ло ма́ленькое гнёздышко, как раз над окно́м челове́ка, кото́рый умел́ хоро́шо рассказы́вать сказы́. Ла́сточка рассказа́ла ему́ про Дюймóвочку, а от него́ и мы узна́ли всю э́ту исто́рию.

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

*в которой говорится о зёркале
и его осколках*

у, начнём! Дойдя до конца нашей истории, мы будем знать больше, чем теперь. Так вот, жил однажды тролль, злющий-презлющий, как сам дьявол. Раз он был в особенно хорошем расположении духа: он смастерил такое зёркало, в котором всё доброе и прекрасное уменьшалось донельзя, всё же негодное и безобразное, напротив, так и бросалось в глаза и казалось ещё хуже. Прекраснейшие пейзажи выглядели в нём варёным шпинатом, а лучшие из людей — уродами или казались стоящими кверху ногами и без животов, так что тролль не мог не хохотать, радуясь своей выдумке. Все ученики тролля — у него была своя школа — рассказывали о зёркале, как о каком-то чуде.

— Тепе́рь то́лько, — говори́ли о́ни, — мо́жно уви́деть весь мир и люде́й в их настояще́м све́те!

И вот о́ни бы́ли с зе́ркалом повсю́ду. Ско́ро не оста́лось ни одної́ страны, ни одного́ челове́ка, кото́рые бы не отрази́лись в нём в искажё́нном ви́де. Напоследо́к захоте́лось им доба́ряться и до не́ба.

Все́ вы́ше и вы́ше лете́ли о́ни, и вдруг зе́ркало так переко́сило, что оно́ вы́рвалось у них из рук, полете́ло на зе́млю и разби́лось вдре́збегу. Миллио́ны, биллио́ны его́ оско́лков наделе́ли, одна́ко, несравне́нно бо́льше вреда́, чем само́ зе́ркало. Не́которые из них величи́ной всего́ с песчи́нку, разлета́ясь по бе́лу све́ту, попада́ли, случáлось, лю́дям в глаза́ и так там и остава́лись. Челове́к же с таким оско́лком в глазу́

начина́л ви́деть всё на́выворот и́ли замечать в ка́ждой ве́щи одно́ лишь дурно́е, так как ка́ждый оско́лок сохра́нял сво́йство, кото́рым отлича́лось пре́жде це́лое зе́ркало. Не́которым лю́дям оско́лки попада́ли прямо́ в се́рдце, и э́то было́ ху́же всего́: се́рдце превраща́лось в кусо́к льда. Бы́ли ме́жду э́тими оско́лками и большо́е — такие́, что их мо́жно было́ вста́вить в око́нные ра́мы, но уж в э́ти о́кна не сто́ило смотре́ть на своих до́брых друзе́й. Наконе́ц, бы́ли такие́ оско́лки, кото́рые пошл́и на очќи; то́лько беда́ была́, е́сли лю́ди надева́ли их с це́лью смотре́ть на ве́щи и судить о них верне́е.

Злой тролль хохотал до ко́лик в животе́ и наслажда́лся, сло́вно его́ щекотали. А по све́ту лета́ло ещё́ мно́го оско́лков зе́ркала.

Послу́шаем же!

ИСТО́РИЯ ВТОРА́Я

Ма́льчик и де́вочка

В большо́м го́роде, где сто́лько домо́в и люде́й, что не всем удаётся отгороди́ть себе́ хоть ма́ленькое местё́чко для са́дика, и где поэ́тому большинству́ жи́телей приходи́тся дово́льствоваться ко́мнатными цвето́ками в горшкáх, жи́ли дво́е бе́дных дете́й, но у них был са́дик побольше́ цвето́чного горшкá.

Роди́тели их жи́ли под са́мой кры́шей в двух сме́жных домо́х. Там, где кро́вли домо́в почти́ сходи́лись, под вы́ступами кро́вель шёл водосто́чный же́лоб, и туда́ как раз бы́ли обраще́ны черда́чные око́шки обо́их семе́й. Таки́м о́бразом, сто́ило то́лько перешагну́ть с одно́го же́лоба на друго́й — и вы попада́ли к сосе́дям.

У роди́телей было́ по большо́му дере́янному я́щику; в них росли́ ово́щи и небольшо́е кусты́ роз — в ка́ждом по

одному; кусты чудесно разрастались. Родителям пришло в голову поставить эти ящики поперёк желобов, и словно две цветущие грядки протянулись от одного окна к другому. Горбх спускался из ящиков зелёными гирляндами, розовые кусты обрамляли окна и сплетались ветвями; а мальчик и девочка ходили друг к другу по крыше в гости и сидели на скамеечке под розами. Тут они чудесно играли.

Зимой окна зачастую замерзали, и это удовольствие прекращалось. Но дети нагревали на печке медные монеты и прикладывали их к замёрзшим стёклам — сейчас же оттаивало чудесное отверстие, такое круглое-круглое, а в него выглядывал весёлый, ласковый глазок — это смотрели, каждый из своего окна, мальчик и девочка: Кай и Герда. Летом они в один прыжок могли очутиться друг у друга, а зимой надо было сначала спуститься на много-много ступеней вниз, а затем подняться на столько же вверх. На дворе же ветер крутил снег.

— Это роятся белые пчёлки! — говорила старая бабушка.

— А у них тоже есть королева? — спрашивал мальчик: он знал, что у настоящих пчёл есть такая.

— Есть, — отвечала бабушка. — Она там, где рой всего гуще, она больше всех и никогда подолгу не остаётся на земле — всегда взлетает на чёрное облако. Часто по ночам пролетает она по городским улицам и заглядывает в окошки, и стёкла тогда покрываются ледяными узорами, словно цветами.

— Видели, видели! — говорили дети и верили, что всё это сущая правда.

— А Снежная королева не может войти сюда? — спросила раз девочка.

— Пусть-ка попробует! — сказал мальчик. — Я посажу её на тёплую печку, вот она и растает.

Но ба́бушка погла́дила его́ по голо́вке и заведе́ла разгово́р о друго́м.

Ве́чером, когда́ Кай был до́ма и почти́ совсе́м разде́лся, собира́ясь лечь спать, он вскара́бкался на стул у окна́ и погляде́л в ма́ленький, отта́явший на оконном стекле́ кружо́чек. За окно́м порха́ли снежи́нки; одна́ из них, побольше́, упала́ на край цвето́чного ящика́ и начала́ расти́, расти́, пока́ наконёц не преврати́лась в же́нщину, закутанную в тонча́йший бе́лый тюль, со́тканный, ка́залось, из миллио́нов сне́жных зве́здочек. Она́ была́ так преле́стна и нежна́, но изо льда́, из ослепи́тельного, сверка́ющего льда́, и всё же жива́я! Глаза́ её сия́ли, как зве́зды, но в них не́ было ни тепло́ты, ни поко́я. Она́ кивну́ла ма́льчику и помани́ла его́ руко́й. Мальчу́ган испуга́лся и спры́гнул со сту́ла; ми́мо окна́ промелькну́ло что́-то похо́жее на большо́ую пти́цу.

На другóй день был слáвный морóз, но затём сдélалась óттепель, а там пришлá и веснá. Сòлнце светíло, зéлень опáть показáлась из землí, лáсточкí вíли под крýшей гнёзда, óкна раствóрили, и дéти снóва сидéли в своём мáленьком сáдикe высоко над всéми этажáми.

В то лéто рóзы цвелí особенно пышно.

Дéти пéли, взявшись зá руки, целовáли рóзы, смотрéли на сòлнечное сияние и разговáривали с ним. Одíн раз Кáй и Гёрда рассмáтривали кнíжку с картинками — зверя́ми и пти́цами; на больш́их бáшенных часáх прóбило пять.

— Ай! — вскрикнул вдруг мáльчик. — Меня́ кольну́ло прýмо в сёрдце, и чтó-то попáло в глаз!

Дéвочка обвиня́ла ручóнкой его́ шéю; он мигáл глазáми, но ни в однóм ничегó нé было вíдно.

— Должно́ быть, выскочило, — сказа́л он.

Но в то́м-то и дéло, что нет. Это́ был как раз крóшечный оскóлок дьявольского зéркала.

Бедня́жка Кáй! Тепéрь сёрдце его́ должно́ бы́ло превратíться в кусо́к льда! Боль прошлá, но сáмый оскóлок остáлся.

— О чём же ты пла́чешь? — спросíл он Гёрду. — Мне со́всем не больно. Какáя ты дéлаешься некрасíвая! Фу! — закрича́л он затём. — Эту рóзу то́чит червь. А та со́всем кривáя. Какíе гáдкие рóзы! Не лúчнее ящиков, в котóрых торча́т!

И он толкну́л ящик ного́ю и обломáл две рóзы.

— Кáй, что ты дéлаешь? — закрича́ла дéвочка, а он, увíдя её испуг, сорва́л ещё́ одну́ и убежа́л от мíленькой мáленькой Гёрды в своё́ окно́.

Приноси́ла ли по́сле того́ ему́ дéвочка кнíжку с картинками — он говорíл, что э́ти картинкí хорош́и то́лько для грудн́х ребя́т; рассказывала ли чтó-нибудь ба́бушка — он придира́лся к её слова́м. А потóм... дошёл и до того́, что кра́лся за ней, передра́знивая её похóдку, стал надева́ть очкí, подража́ть её гóлосу. Выходíло óчень похóже и сме-

шйло людѣй. Скорѣ мальчик выучился передразнивать и всех сосѣдей. Он отлично умѣл выставить напоказ все их странности и недостатки, и люди говорили:

— Что за голова у этого мальчугана!

А причиной всему был осколок зеркала, что попал ему в глаз, а затѣм и в сердце. Потому-то он и передразнивал даже маленькую миленькую Гёрду, которая любила его всем сердцем.

И забавы его стали теперь совсем иными, такими мудрёными. Раз зимою, когда шѣл снег, он явился с большим увеличительным стеклом и подставил под снег полу своего синего пальто.

— Поглядѣ в стекло, Гёрда, — сказал он.

Каждая снежинка казалась под стеклом куда больше, чем была на самом дѣле, и походила на роскошный цветок или десятиугольную звезду. Это было очень красиво.

— Видишь, как искусно сделано! — сказал Кай. — Это гораздо интереснее настоящих цветов! И какая точность! Ни единой неправильной линии! Ах, если бы только онѣ не таяли!

Немного спустя Кай явился в больших рукавицах, с санками за спиною, крикнул Гёрде в самое ухо: «Мне позволили покататься на большѣй площади с другими мальчиками!» — и убежал.

На площади каталось множество детѣй. Те, что были посмелѣе, привязывали свой санки к крестьянским саням и прокатывались таким образом довольно далеко. Веселье так и кипѣло. В самый разгар его на площади появились большие сани, выкрашенные в бѣлый цвет. В них сидѣл кто-то укутанный в бѣлую меховую шубу и в такой же шапке. Сани объехали вокруг площади два раза! Кай живо привязал к ним свой санки и покатился. Большие сани понеслись быстрее и затѣм свернули с площади в переулок. Сидѣвший в них

человек обернулся и дружески кивнул Кая, точно знакомому. Кай несколько раз порывался отвязать свои сани, но человек в шубе кивал ему, и он продолжал ехать.

Вот они выехали за городские ворота. Снег повалил вдруг хлопьями, да так густо, что Кай не мог видеть своей протянутой руки. Мальчик поспешил отпустить верёвку, которую зацепился за большие сани, но сани его точно приросли к ним и продолжали нестись вихрем. Кай громко закричал — никто не слышал его. Снег валил, сани мчались, ныряя в сугробах, прыгая через изгороди и канавы. Кай весь дрожал.

Снежные хлопья всё росли и обратились под конец в больших белых курц. Вдруг они разлетелись в стороны, большие сани остановились, и сидевший в них человек встал. Это была высокая, стройная, ослепительно белая женщина — Снежная королева; и шуба и шапка на ней были из снега.

— Славно проехались! — сказала она. — Но ты совсем замёрз — полезай ко мне в медвежью шубу!

И, посадив мальчика в сани, она завернула его в свою шубу. Кай словно опустился в снежный сугроб.

— Всё ещё мёрзнешь? — спросила она и поцеловала его в лоб.

У! Поцелуй её был холоднее льда, он пронизал его насквозь и дошёл до самого сердца, а оно и без того уже было наполовину ледяным. Кая показалось, что он сейчас умрёт... Но это только на одну минуту, а потом, напротив, ему стало хорошо, он даже совсем перестал зябнуть.

— Мои сани! Не забудь мои сани! — спохватился он прежде всего о санях.

И сани были привязаны на спину одной из белых курц, которая и полетела с ними за большими санями. Снежная королева поцеловала Кая ещё раз, и он позабыл и Герду, и бабушку, и всех домашних.

— Бóльше я не бóду целовáть тебá, — скáзáла онá. — А не то зацелую дó смерти.

Кай взглянул на неё. Онá былá так хорошá! Бóлее умного, прелёстного лицá он не мог себё и представить. Тепёрь онá не кáзáлась ему ледяно́ю, как в тот раз, когдá сидéла за окно́м и кивáла ему́ головóй.

Он совсём не боялся её и рассказáл ей, что знáет все четýре дéйствия арифмéтики, да ещё с дробя́ми, знáет, скóлько в кáждой странé квадрáтных миль и жíteлей, а онá тóлько улыбáлась в отвéт. И тогдá ему́ показáлось, что он в сáмом дéле знáет мáло.

В тот же миг Сне́жная короле́ва подхвати́ла его́, и они́ взвилы́сь на чёрное о́блако. Бúря вы́ла и стона́ла, слóвно распевáла старинные пёсни; они́ летéли над лесáми и озёрами, над моря́ми и твёрдой землёй; под ними́ дýли холо́дные вéтры, вы́ли во́лки, сверка́л снег, летáли с крýком чёрные во́роны, а над ними́ сия́л большо́й ясный ме́сяц. На него́ смотре́л Кай всю до́лгую-до́лгую зы́мнюю ночь — днём он спал у ног Сне́жной короле́вы.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ

Цветник жéнищины, умéвшей колдовáть

А что же бы́ло с Гёрдой, когдá Кай не верну́лся? И ку́да он девáлся? Никто́ э́того не знал.

Ма́льчики рассказáли тóлько, что ви́дели, как он привя́зáл свой сáнки к большо́м великолéпным саня́м, кото́рые потóм сверну́ли в переу́лок и вы́ехали за городские́ ворота́.

Мно́го бы́ло про́лито слёз; го́рько и до́лго пла́кала Гёрда. Наконéц пореши́ли, что Кай у́мер, утону́л в рекé, протека́вшей за го́родом. До́лго тяну́лись мра́чные зы́мние дни.

Но вот настáла весна́, вы́глянуло со́лнце.

— Кай умер и больше не вернётся! — сказала Гёрда.

— Не верю! — отвечал солнечный свет.

— Он умер и больше не вернётся! — повторила она лас-точкам.

— Не верим! — ответили они.

Под конец и сама Гёрда перестала этому верить.

— Надёну-ка я свой красные башмачки (Кай ни разу ещё не видал их), — сказала она однажды утром, — да пойду к реке спросить про него.

Было ещё очень рано. Она поцеловала спящую бабушку, надела красные башмачки и побежала одна-одинёшенька за город, прямо к реке.

— Правда, что ты взяла моего названного брата? — спросила Гёрда. — Я подарю тебе свой красные башмачки, если ты отдашь мне его назад!

И девочке почудилось, что волны как-то странно кивают ей. Тогда она сняла свой красные башмачки — самое драгоценное, что у неё было, — и бросила их в реку. Но они упали как раз у берега, и волны сейчас же выбросили их — река как будто не хотела брать у девочки её драгоценность, так как не могла вернуть ей Кая. Девочка же подумала, что бросила башмачки недостаточно далеко, влезла в лодку, качавшуюся в тростнике, стала на самый краешек кормы и опять бросила башмачки в воду. Лодка не была привязана и от её движения стала медленно отплывать от берега. Девочка хотела поскорее выпрыгнуть на берег, но, пока она пробиралась с кормы на нос, лодка уже отошла далеко от берега и быстро понеслась по течению.

Гёрда ужасно испугалась и принялась плакать и кричать, но никто, кроме воробьёв, не слышал её криков. Воробьи же не могли перенести её на сушу и только летели за ней вдоль берега и щебетали, словно желая её утешить:

— Мы здесь! Мы здесь!

Лодку уносило всё дальше. Гёрда сидела смирно, в одних чулках: красные башмачки её плыли за лодкой, но не могли догнать её.

«Может быть, река несёт меня к Каю?» — подумала Гёрда, повеселела, встала на ноги и долго-долго любовалась красивыми зелёными берегами.

Но вот она приплыла к большому вишнёвому саду, в котором приютился домик с красными и синими стёклами в окошках и с соломенной крышей. У дверей стояли два деревянных солдата и отдавали честь всем, кто проплывал мимо. Гёрда закричала им — она приняла их за живых, но они, понятно, не ответили ей. Вот она подплыла к ним ещё ближе, лодка подошла чуть не к самому берегу, и девочка закричала ещё громче. Из домика вышла, опираясь на клюку, старая-престарая старушка в большой соломенной шляпе, расписанной чудесными цветами.

— Ах ты бедная крошка! — сказала старушка. — Как это ты попала на такую большую быструю реку да забралась так далеко?

С этими словами старушка вошла в воду, зацепила лодку своею клюкой, притянула её к берегу и высадила Гёрду.

Гёрда была рада-радешенька, что очутилась наконец на суше, хоть и побаивалась чужой старухи.

— Ну, пойдём. Расскажи мне, кто ты и как сюда попала, — сказала старушка.

Гёрда стала рассказывать ей обо всём, а старушка покачивала головой и повторяла: «Гм! Гм!» Когда девочка кончила, она спросила старуху, не видела ли она Каю. Та ответила, что он ещё не проходил тут, но, верно, пройдёт, так что девочке пока не о чем горевать, пусть лучше попробует вишен да полюбуется цветами, что растут в саду: они красивее нарисованных в любой книжке с картинками и все умеют рассказывать сказки. Тут старушка взяла

Гёрду за руку, увела к себе в домик и заперла дверь на ключ.

Окна были высоко от пола и все из разноцветных — красных, голубых и жёлтых — стёклышек; от этого и сама комната была освещена каким-то удивительным радужным светом. На столе стояла корзинка с чудесными вишнями, и Гёрда могла есть их сколько душе угодно. Пока же она ела, старушка расчёсывала ей волосы золотым гребешком. Волосы вились кудрями и золотым сиянием окружали милое, приветливое, круглое, словно роза, личико девочки.

— Давно мне хотелось иметь такую миленькую девочку! — сказала старушка. — Вот увидишь, как ладно мы проживём с тобой!

И она продолжала расчёсывать кудри девочки, и чем дальше чесала, тем больше Гёрда забывала своего названного брата Кая — старушка умела колдовать. Она не была злою колдуньей и колдовала только изредка, для своего удовольствия; теперь же ей очень захотелось оставить у себя Гёрду. И вот она пошла в сад, дотронулась своей клюквой до всех розовых кустов, и те как стояли в полном цвету, так все и ушли глубоко-глубоко в землю, и следы от них не осталось. Старушка боялась, что Гёрда при виде этих роз вспомнит о своих розах, а там и о Кая да и убежит от неё.

Потом старушка повела Гёрду в цветник. Тут были цветы всех родов и всех времён года. Во всём свете не нашлось бы книжки с картинками пестрее, красивее этого цветника. Гёрда прыгала от радости и играла среди цветов, пока солнце не село за высокими вишнёвыми деревьями. Тогда её уложили в чудесную постельку с красными шелковыми перинками, набитыми голубыми фиалками. Девочка заснула, и ей снились сны, какие видит разве королева в день своей свадьбы.

На другой день Гёрде опять позволили играть в чудес-

ном цветникé на солнце. Так прошлó много дней. Гёрда знáла тепёрь кáждый цветóчек, но как ни много их было, ей всё-таки казáлось, что какóго-то недостаёт, тóлько какó-го же? Раз онá сидела и рассмáтривала солóменную шляпу старúшки, расписанную цветáми; сáмым красíвым из них как раз была́ рóза — старúшка забыла её стереть, когда загнала́ живые рóзы в зéмлю. Вот что знáчит рассéянность!

— Как! Тут нет роз? — сказа́ла Гёрда и сейча́с же побежа́ла иска́ть их на гря́дках.

Иска́ла, иска́ла, да так их и не нашла́.

Тогда́ де́вочка опусти́лась на зéмлю и запла́кала. Тёплые слёзы упáли как раз на то ме́сто, где стоял прёжде одíн из рóзовых кустóв, и как тóлько онí смочíли зéмлю, куст мгновénно вýрос из неё, тако́й же цветúщий, как прёжде.

Гёрда обвила́ его́ ручóнками, приняла́сь целова́ть цветы и вспóмнила о тех чудесных рóзах, что цвели́ у неё до́ма, а вме́сте с тем и о Ка́е.

— Как же я замéшкалась? — сказа́ла де́вочка. — Мне ведь на́до иска́ть Ка́я!.. Не зна́ете ли вы, где он? — спроси́ла онá у роз. — Вéрите ли вы тому́, что он ўмер и не вернётся бо́льше?

— Он не ўмер! — сказа́ли рóзы. — Мы ведь были́ под землёй, где все умéршие, но Ка́я меж ними́ не́ было.

— Спасíбо вам! — сказа́ла Гёрда и пошла́ к други́м цветáм, загля́дывала в их ча́шечки и спра́шивала: — Не зна́ете ли вы, где Ка́й?

Но кáждый цветóк грéлся на солнышке и думал тóлько о соб́ственной своéй скáзке йли исто́рии. Много их вы́слушала Гёрда, но ни одíн из цветко́в не сказа́л ни слóва о Ка́е.

И Гёрда пошла́ к одува́нчику, сия́вшему в блестя́щей зелёной травé.

— Ты, маленькое ясное солнышко! — сказала ему Гёрда. — Скажи, не знаешь ли ты, где мне искать моего названного брата?

Одуванчик засиял ещё ярче и взглянул на девочку. Какую же песенку спел он ей? Увы! И в этой песенке ни слова не говорилось о Кэе!

— Был первый весенний день, солнце грело и так приветливо светило на маленький дворик. Лучи его скользили по белой соседней стене, и возле самой стены из зелёной травы выглядывали первые жёлтенькие цветочки, сверкавшие на солнце, словно золотые. Во двор вышла посидеть старушка бабушка. Вот пришла из гостей её внучка, бедная служанка, и крепко поцеловала старушку. Поцелуй девушки дороже золота — он идёт прямо от сердца. Золото на её губах, золото в сердце, золото и на небе в утренний час! Вот и всё! — сказал одуванчик.

— Бедная моя бабушка! — вздохнула Гёрда. — Верно, она скучает обо мне. Верно, горюет, как горевала о Кэе. Но я скоро вернусь и приведу его с собой. Нечего больше и расспрашивать цветы — от них ничего не добьёшься, они знают только свои сказки и песенки! — И она побежала в конец сада.

Дверь была заперта, но Гёрда так долго шатала ржавый засов, что он поддался, дверь открылась, и девочка так, босоножкой, и пустилась бежать по дороге. Рáза три она оглядывалась, но никто не гнался за нею.

Наконец она устала, присела на камень и огляделась кругом: лето уже прошло, на дворе стояла поздняя осень, а в чудесном саду старушки, где вечно сияло солнышко и цвели цветы всех времён года, этого не было заметно.

— Господи! Как же я замешкалась! Ведь уж осень на дворе! Тут не до отдыха! — сказала Гёрда и опять пустилась в путь.

Ах, как ныли её бѣдные усталые нѣжки! Как холодно, сыро было вокруг! Длинные листья на йвах совсем пожелтели, туман оседал на них крупными каплями и стекал на землю; листья так и сыпались. Один терновник стоял весь покрытый вяжущими, терпкими ягодами. Каким серым, унылым казался весь мир!

ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ

Принц и принцесса

Пришлось Герде опять присесть отдохнуть. На снегу прямо перед ней прыгал большѳ ворон. Он долго смотрѣл на девочку, кивая ей головою, и наконец заговорил:

— Кар-кар! Здррравствуй!

Чище этого он выговаривать по-человѣчески не мог, но, видимо, желал девочке добра и спросил её, куда это она бредѣт по бѣлу свѣту совсем одна. Слово «одна» Герда поняла отлично и сразу почувствовала всё его значѣние. Рассказав ворону всю свою жизнь, девочка спросила, не видал ли он Кая. Ворон задумчиво покачал головою и сказал:

— Очень вероятно, очень вероятно!

— Как! Правда? — воскликнула девочка и чуть не задушила ворона поцелуями.

— Потѣше, потѣше! — сказал ворон. — Я думаю, что это был твой Кай. Но теперь он, верно, забыл тебя со своею принцессой!

— Разве он живѣт у принцессы? — спросила Герда.

— А вот послушай, — сказал ворон. — Только мне ужасно трудно говорить по-вашему. Вот если бы ты понимала по-воробьи, я рассказал бы тебе обо всѣм куда лучше.

— Нет, этому меня не учили, — сказала Герда.

— Ну ничего, — сказал ворон. — Расскажу как сумѣю, хоть и плохо.

И он рассказа́л обо всём, что сам знал:

— В короле́встве, где мы с тобо́й нахо́димся, есть прин-
цесса, така́я у́мница, что и сказа́ть нельзя́! Она́ прочла́ все
газе́ты на све́те и позабы́ла всё, что в них прочла́, — вот
кака́я у́мница! Раз ка́к-то сидела́ она́ на троне́ — а весе́лья-
то в э́том не сли́шком мно́го, как гово́рят лю́ди, — и напе-
ва́ла пе́сенку: «Отче́го бы мне не вы́йти за́муж?» «А ве́дь и
в са́мом де́ле!» — подумала́ она́, и ей захоте́лось за́муж. Но
в мужья́ она́ хоте́ла выбра́ть себе́ тако́го челове́ка, кото́рый
бы суме́л отве́чать, когда́ с ним заговора́т, а не тако́го, что
уме́л бы то́лько ва́жничать, — э́то ве́дь так ску́чно! И вот
бараба́нным ббе́м созда́ли всех придво́рных дам и объя́вили
им волю́ принцессы. Все о́ни бы́ли о́чень дово́льны и сказа́ли:
«Вот э́то нам нра́вится! Мы и са́ми неда́вно об э́том ду́ма-
ли!» Все́ э́то и́стинная пра́вда! — приба́вил во́рон. — У меня́
при дво́ре есть неве́ста — она́ ручна́я воро́ба, — от неё-то я
и зна́ю всё э́то.

На другóй день все газéты вóшли с каймóй из серде́ц и с вензелями принцессы. В газéтах было объявлено, что кáждый молодóй человек приятной нару́жности мо́жет явítься во дворе́ц и побесéдовать с принцессой; тогó же, кто бу́дет держа́ть себя́ вполне свободно, как до́ма, и ока́жется всех красноречивее, принцесса изберёт себе́ в мужья. Да, да! — повторíл вóрон. — Всё э́то так же ве́рно, как то, что я сижу́ здесь перед тобо́ю. Нарóд повали́л во дворе́ц валом, пошла́ да́вка и толкотня́, но то́лку не вóшло никакóго ни в пе́рвый, ни во второ́й день. На у́лице все женихи́ говори́ли отл́ично, но сто́ило им перешагну́ть дворцо́вый поро́г, уви́деть гва́рдию всю в серебрé, а лакеев в зóлоте и вступи́ть в огро́мные, за́литые свéтом за́лы, как их брала́ óторопь. Подстúпят к трóну, где сидít принцесса, да и повторя́ют то́лько её же послéдние слова́, а ей во́все не э́то было ну́жно. Пра́во, их всех то́чно опа́ивали дурма́ном! А вóйдя за воро́та, о́ни о́пять обрета́ли дар сло́ва. От са́мых воро́т до дверей́ тяну́лся дли́нный-длин́ный хвост женихо́в. Я сам там был и ви́дел.

— Ну, а Кáй-то, Кáй? — спроси́ла Ге́рда. — Когда́ же он яви́лся? И он пришёл сва́таться?

— Постóй! Постóй! Тепе́рь мы как раз дошли́ и до него́! На тре́тий день яви́лся небольшо́й челове́чек, не в карéте, не верхом, а прóсто пешко́м, и прýмо вошёл во дворе́ц. Глаза́ его́ блестя́ли, как твой; во́лосы у него́ были́ дли́нные, но оде́т он был бе́дно.

— Э́то Кáй! — обра́довалась Ге́рда. — Я нашла́ его́! — И она́ захло́пала в ладо́ши.

— За спинóй у него́ была́ котомка, — продолжа́л вóрон.

— Нет, э́то, ве́рно, были́ его́ са́ночки! — сказа́ла Ге́рда. — Он ушёл из до́му с са́нками.

— Очень́ возмо́жно, — сказа́л вóрон. — Я не разгляде́л хороше́нько. Так вот, мо́я невеста́ рассказы́вала мне, что,

войдя в дворцовые ворота и увидав гвардию в серебре, а на лестницах лакеев в золоте, он ни капельки не смутился, кивнул головой и сказал: «Скучненько, должно быть, стоять тут на лестнице, я лучше войду в комнаты!» Залы были залиты светом. Тайные советники и превосходительства расхаживали без сапог, разнося золотые блюда, — торжественнее уж нельзя было! А его сапоги громко скрипели, но он этим не смущался.

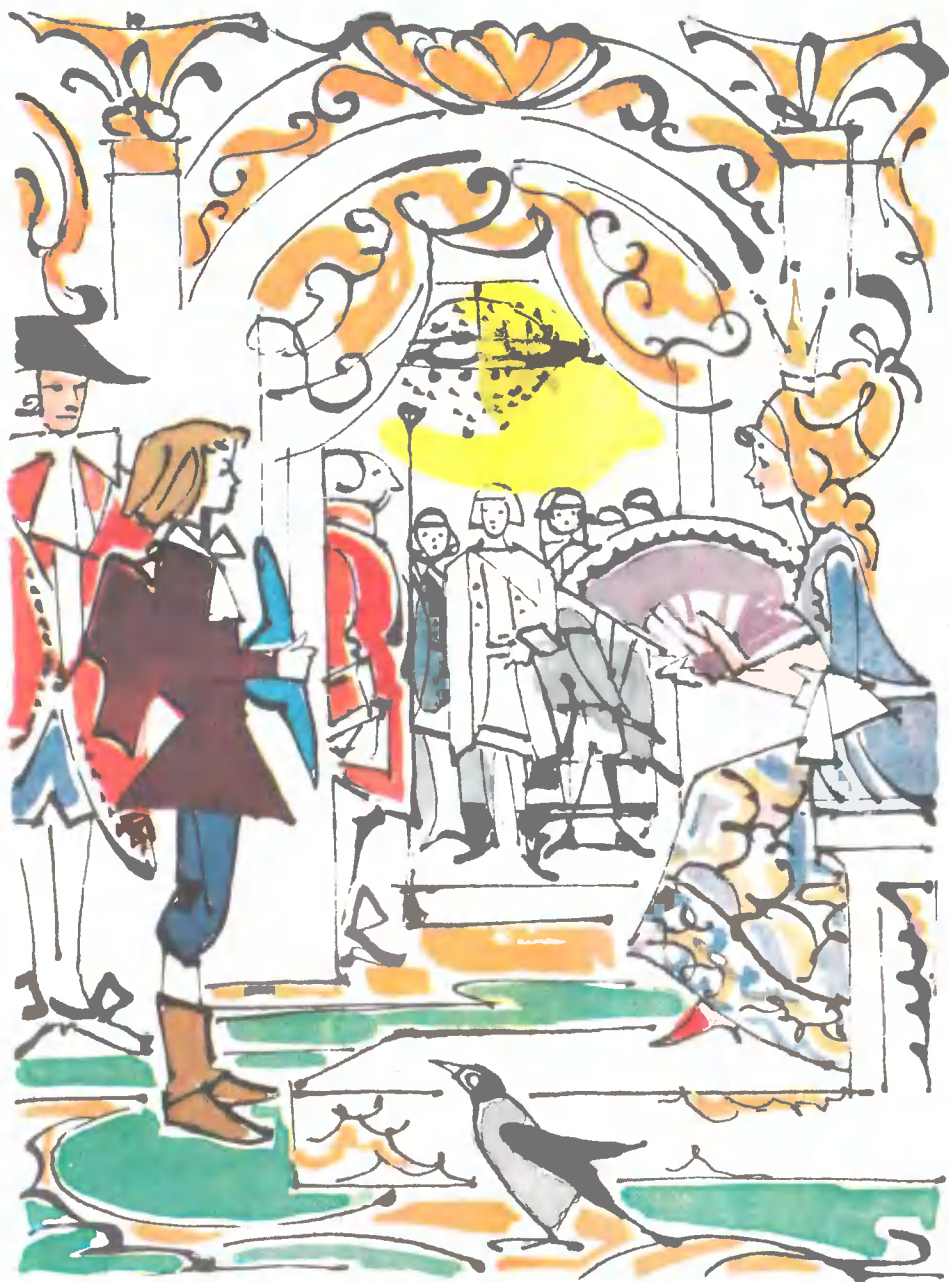
— Это, наверно, Кай! — воскликнула Герда. — Я знаю, что на нём были новые сапоги. Я сама слышала, как они скрипели, когда он приходил к бабушке.

— Да, они-таки скрипели порядком, — продолжал вóрон. — Но он смело подошёл к принцессе. Она сидела на жемчужине величиною с колесо прялки, а кругом стояли придворные дамы со своими служанками и служанками служанок и кавалеры с камердинерами, слугами камердинеров и прислужниками камердинерских слуг. Чем ближе кто-нибудь стоял к дверям, тем важнее, надменнее держался. На прислужника камердинерских слуг, стоявшего в самых дверях, нельзя было и взглянуть без дрожи — такой он был важный!

— Вот страх-то! — сказала Герда. — А Кай всё-таки женился на принцессе?

— Не будь я вóроном, я бы сам женился на ней, хоть я и помóбвлен. Он вступил с принцессой в беседу и говорил так же хорошо, как я, когда говорю по-ворóнью, — так, по крайней мере, сказала мне моя ручная невеста. Держался он вообще очень свободно и мило и заявил, что пришёл не свататься, а только послушать умные речи принцессы. Ну и вот, она ему понравилась, он ей тоже.

— Да-да, это Кай! — сказала Герда. — Он ведь такой умный! Он знал все четыре действия арифметики, да ещё с дробями! Ах, проводи же меня во дворец!

— Легко сказать, — отвечал вóрон, — да как это сделать? Постóй, я погово́рю с моёй ручно́й невесто́й, она́ что́-нибудь придума́ет и посовету́ет нам. Ты ду́маешь, что тебя́ вот так прямо́ и впустят во дворе́ц? Как же, не о́чень-то впуска́ют таких де́вочек!

— Меня́ впустят! — сказа́ла Ге́рда. — Когда́ Кай услы́шит, что я тут, он сейча́с же прибежи́т за мно́ю.

— Подожди́ меня́ тут у решё́тки, — сказа́л вóрон, поверте́л голово́й и улетéл.

Верну́лся он уже́ совсе́м под ве́чер и зака́ркал:

— Кар, кар! Моя́ невеста́ шлёт тебе́ тысячу покло́нов и вот э́тот ма́ленький хле́бец. Она́ стащи́ла его́ в ку́хне — там их мно́го, а ты, ве́рно, голо́дна!.. Ну, во дворе́ц тебе́ не попа́сть; ты ве́дь боса́я — гва́рдия в серебре́ и лаке́и в зóлоте ни за что́ не пропу́стят тебя́. Но не плачь, ты все́-таки попаде́шь туда́. Неве́ста моя́ зна́ет, как пройти́ в спа́льную принце́ссы с че́рного хо́да, и зна́ет, где доста́ть ключ.

И вот о́ни вошли́ в сад, пошли́ по дли́нным алле́ям, где о́дин за друго́м па́дали о́сенние ли́стья, и когда́ все огонё́к в дво́рцовых о́кнах погасли, вóрон прове́л де́вочку в ма́ленькую полуотво́ренную двéрцу.

О, как би́лось се́рдечко Ге́рды от стра́ха и нетерпе́ния! То́чно она́ собира́лась сде́лать что́-то дурно́е, а ве́дь она́ то́лько хоте́ла узна́ть, не здесь ли её́ Кай! Да, да, он, ве́рно, здесь! Ге́рда так жи́во представля́ла себе́ его́ у́мные глаза́, дли́нные во́лосы; она́ я́сно ви́дела, как он улыба́лся ей, когда́ о́ни, быва́ло, сидели́ ря́дышком под ку́стами роз. Он, ве́роятно, обра́дуется, когда́ уви́дит её, услы́шит, на ка́кой дли́нный пу́ть реши́лась она́ ра́ди него́, и узна́ет, как горева́ли о нём все́ домашние! Ах, она́ была́ прóсто вне себя́ от стра́ха и ра́дости.

Но вот о́ни и на площа́дке ле́стницы. На шкафу́ горéла ла́мпочка, а на полу́ сидéла ручна́я воро́на и осма́тривалась

по сторонам. Гёрда присела и поклонилась, как учила её бабушка.

— Мой жених рассказывал мне о вас столько хорошего, барышня! — сказала ручная ворона. — И ваша жизнь также очень трогательна! Не угодно ли вам взять лампу, а я пойду вперёд. Мы пойдём прямой дорогой, тут мы никого не встретим.

— А мне кажется, кто-то идёт за нами, — сказала Гёрда, и в ту же минуту мимо неё с лёгким шумом промчались какие-то тени: лошади с развевающимися гривами и тонкими ногами, охотники, дамы и кавалеры верхами.

— Это сны! — сказала ручная ворона. — Тем лучше для нас, удобнее будет рассмотреть спящих.

Тут они вошли в первую залу, где стены были обиты розовым атласом, затканым цветами. Мимо девочки опять пронеслись сны, но так быстро, что она не успела и рассмотреть всадников. Одна зала была великолепнее другой. Гёрда была совсем ослеплена этой роскошью. Наконец они дошли до спальни. Потолок напоминал верхушку огромной пальмы с драгоценными хрустальными листьями; с середины его спускался толстый золотой стёбель, на котором висели две кровати в виде лилий. Одна была белая, в ней спала принцесса, другая — красная, и в ней Гёрда надеялась найти Кая. Девочка слегка отогнула один из красных лепестков и увидела темно-русый затылок. Это Кай! Она громко назвала его по имени и поднесла лампу к самому его лицу. Сны с шумом умчались прочь; принц проснулся и повернул голову... Ах, это был не Кай!

Принц ходил на него только с затылка, но был так же молод и красив. Из белой лилии выглянула принцесса и спросила, что случилось. Гёрда заплакала и рассказала всю свою историю, упомянув и о том, что сделали для неё вороны.

— Ах ты бедняжка! — сказали принц и принцесса,

похвалили ворон, объявили, что ничуть не гnevаются на них — только пусть они не делают этого впредь, — и захотели даже наградить их.

— Хотите быть вольными птицами? — спросила принцесса. — Или желаете занять должность придворных ворон, на полном содержании из кухонных остатков?

Ворон с вороной поклонились и попросили должности при дворе — они подумали о старости и сказали:

— Хорошо ведь иметь верный кусок хлеба на старости лет!

Принц встал и уступил свою постель Герде; больше он пока ничего не мог для неё сделать. А она сложила ручки и подумала: «Как добры все люди и животные!» — закрыла глазки и сладко заснула. Сны опять прилетели в спальню, но теперь они везли на маленьких саночках Кая, который кивал Герде головою. Увы, всё это было лишь во сне и исчезло, как только девочка проснулась.

На другой день её одели с ног до головы в шёлк и бархат и позволили ей оставаться во дворце, сколько она пожелает.

Девочка могла жить да поживать тут припеваючи, но она прогостила всего несколько дней и стала просить, чтобы ей дали повозку с лошадью и пару башмаков — она опять хотела пуститься разыскивать по белу свету своего названного брата.

Ей дали и башмаки, и муфту, и чудесное платье, а когда она простилась со всеми, к воротам подъехала карета из чистого золота, с сияющими, как звёзды, гербами принца и принцессы; у кучера, лакеев и форейторов — ей дали и форейторов — красовались на головах маленькие золотые короны.

Принц и принцесса сами усадили Герду в карету и пожелали ей счастливого пути.

Лесной ворон, который уже успел жениться, провожал девочку первые три мили и сидел в карете рядом с нею — он не мог ехать, сидя спиной к лошадям. Ручная ворона сидела на воротах и хлопала крыльями. Она не ехала провожать Герду, потому что страдала головными болями, с тех пор как получила должность при дворе и слишком много ела. Карета битком была набита сахарными крендельками, а ящик под сиденьем — фруктами и пряниками.

— Прощай! Прощай! — закричали принц и принцесса.

Герда заплакала, ворона тоже. Тяжёлое было расставанье! Ворон взлетел на дерево и махал чёрными крыльями до тех пор, пока карета, сиявшая, как солнце, не скрылась из виду.

ИСТОРИЯ ПЯТАЯ

Маленькая разбойница

Вот Гёрда въехала в тёмный лес, в котором жили разбойники; карета горела как жар, она резала разбойникам глаза, и они этого не потерпели.

— Золото! Золото! — закричали они, схватив лошадей под уздцы, убили маленьких форейторов, кучера и слуг и вытащили из кареты Гёрду.

— Ишь какая славноенькая, жирненькая! Орешками откормлена! — сказала старуха разбойница с длинной жёсткой бородой и мохнатыми, нависшими бровями. — Жирненькая, что твой барашек! Ну-ка, какова на вкус будет?

И она вытащила острый сверкающий нож. Вот ужас!

— Ай! — закричала она вдруг: её укусила за ухо её собственная дочка, которая сидела у неё за спиной и была такая необузданная и своевольная, что просто любо. — Ах ты дрянная девчонка! — закричала мать, но убить Гёрду не успела.

— Она будет играть со мной, — сказала маленькая разбойница. — Она отдаст мне свою муфту, своё хорошенькое платье и будет спать со мной в моей постельке.

И девочка опять так укусила мать, что та подпрыгнула и завертелась на одном месте. Разбойники захохотали.

— Ишь как пляшет со своей девчонкой!

— Я хочу сесть в карету! — закричала маленькая разбойница и настояла на своём — она была ужасно избалованна и упряма.

Они уселись с Гёрдой в карету и помчались в чащу леса.

Маленькая разбойница была ростом с Гёрду, но сильнее, шире в плечах и гораздо смуглее. Глаза у неё были совсем

чёрные, но какие-то печальные. Она обняла Герду и сказала:
— Они тебя не убьют, пока я не рассержусь на тебя. Ты, верно, принцесса?

— Нет, — отвечала девочка и рассказала, что пришлось ей испытать и как она любит Кая.

Маленькая разбойница серьёзно поглядела на неё, слегка кивнула головой и сказала:

— Они тебя не убьют, даже если я и рассержусь на тебя, — я лучше сама убью тебя!

И она отёрла слёзы Герде, а потом спрятала обе руки в её хорошенькую мягкую тёплую муфточку.

Вот карета остановилась; они въехали во двор разбойничьего замка.

Он весь был в огромных трещинах; из них вылетали вороны и вороны. Откуда-то выскочили огромные бульдоги; казалось, каждый из них легко проглотит человека, но они только высоко подпрыгивали в воздух и даже не лаяли — это было запрещено. Посреди огромной залы с полуразвалившимися, покрытыми копотью стенами и каменным полом пылал огонь. Дым подымался к потолку и сам должен был искать себе выхода. Над огнём кипел в огромном котле суп, а на вертелах жарились зайцы и кролики.

— Ты будешь спать вместе со мной вот тут, возле моего маленького зверинца, — сказала Герде маленькая разбойница.

Девочек накормили, напоили, и они ушли в свой угол, где была постлана солома, накрытая коврами. Повыше сидело на жёрдочках больше сотни голубей. Все они, казалось, спали, но, когда девочки подошли, слегка зашевелились.

— Все мой! — сказала маленькая разбойница, схватила одного голубя за ноги и так трянула его, что тот забил крыльями. — На, поцелуй его! — крикнула она, ткнув голу-

бя Гёрде прямо в лицо. — А вот тут сидят лесные плутишки, — продолжала она, указывая на двух голубей, сидевших в небольшом углублении в стене, за деревянной решёткой. — Эти двое — лесные плутишки. Их надо держать взаперти, не то живо улетят! А вот и мой милый старичина-бляшка! — И девочка потянула за рог привязанного к стене северного оленя в блестящем медном ошейнике. — Его тоже нужно держать на привязи, иначе удерёт! Каждый вечер я щекочу его под шеей своим острым ножом — он до смерти этого боится.

С этими словами маленькая разбойница вытащила из расщелины в стене длинный нож и провела им по шее оленя. Бедное животное забрыкалось, а девочка захохотала и потащила Гёрду к постели.

— Разве ты спишь с ножом? — спросила её Гёрда.

— Всегда! — отвечала маленькая разбойница. — Как знать, что может случиться! Но расскажи мне ещё раз о Кэе и о том, как ты пустилась странствовать по белу свету.

Гёрда рассказала. Лесные голуби в клетке тихо ворковали; другие голуби уже спали. Маленькая разбойница обвинила одной рукой шею Гёрды — в другой у неё был нож — и захрапела, но Гёрда не могла сомкнуть глаз, не зная, убьют её или оставят в живых.

Вдруг лесные голуби проворковали:

— Курр! Курр! Мы видели Кая! Белая курица несла на спине его санки, а он сидел в санях Снежной королевы. Они летели над лесом, когда мы, птенчики, ещё лежали в гнезде. Она дохнула на нас, и все умерли, кроме нас двоих. Курр! Курр!

— Что вы говорите! — воскликнула Гёрда. — Куда же полетела Снежная королева? Знаете?

— Она полетела, наверно, в Лапландию — ведь там веч-

ный снег и лёд. Спроси у северного оленя, что стоит тут на привязи.

— Да, там вечный снег и лёд. Чудо как хорошо! — сказал северный олень. — Там прыгаешь себе на воле по огромным блестящим ледяным равнинам. Там раскинут летний шатёр Снежной королевы, а постоянные её чертоги — у Северного полюса, на острове Шпицберген.

— О Кай, мой милый Кай! — вздохнула Герда.

— Лежи смирно, — сказала маленькая разбойница. — Не то я пырну тебя ножом!

Утром Герда рассказала ей, что слышала от лесных голубей. Маленькая разбойница серьёзно посмотрела на Герду, кивнула головой и сказала:

— Ну, так и быть!.. А ты знаешь, где Лапландия? — спросила она затем у северного оленя.

— Кому же и знать, как не мне! — отвечал олень, и глаза его заблестели. — Там я родился и вырос, там прыгал по снежным равнинам.

— Так слушай, — сказала Герде маленькая разбойница. — Видишь, все наши ушли, дома одна мать; немного погодя она хлебнёт из большой бутылки и вздремнёт, тогда я кое-что сделаю для тебя.

Потом, когда старуха хлебнула из своей бутылки и захрапела, маленькая разбойница подошла к северному оленю и сказала:

— Ещё долго можно было бы потешаться над тобой! Уже больно ты бываешь уморительным, когда тебя щекочут острым ножом. Ну, да так и быть! Я отвяжу тебя и выпущу на волю. Ты можешь убежать в свою Лапландию, но должен за это отвезти ко дворцу Снежной королевы вот эту девочку — там её названный брат. Ты ведь, конечно, слышал, что она рассказывала? Она говорила довольно громко, а ты всегда подслушиваешь.

Се́верный оле́нь подпрыгну́л от ра́дости. Ма́ленькая раз-
бѣйница посади́ла на него́ Ге́рду, крѣ́пко привяза́ла её ра́ди
осто́ржности и да́же подсу́нула под неё ма́гкую поду́шечку,
что́бы ей удо́бнее было́ сиде́ть.

— Так и бы́ть, — сказа́ла она́ зате́м, — возьми́ наза́д свои́
меховы́е сапо́жки — бу́дет ве́дь хо́лодно! А му́фту уж я оста́в-
лю́ себе́, бо́льно она́ хороша́. Но ме́рзнуть я тебе́ не дам:
вот о́грóмные рукави́цы моёй ма́тери, они́ дойдут́ тебе́ до
са́мых ло́ктей. Сунь в них ру́ки! Ну вот, тепе́рь рука́ми ты
похо́жа на мою́ безобра́зную ма́ть.

Ге́рда пла́кала от ра́дости.

— Терпе́ть не могу́, ко́гда хны́чут! — сказа́ла ма́ленькая

разбойница. — Тепе́рь ты должна́ ра́доваться. Вот тебе́ ещё два хлѣба и окорок, что́бы тебе́ не пришлось голода́ть

И то и друго́е было́ привязано к оле́ню.

Зате́м ма́ленькая разбойница отвори́ла дверь, замани́ла собак в дом, перере́зала своим о́стрым ножом верёвку, ко́торую был привязан оле́нь, и сказа́ла ему́:

— Ну, живо! Да береги́ смотри́ де́вочку.

Ге́рда протяну́ла ма́ленькой разбойнице обе́ руки в о́громных рукави́цах и попроща́лась с не́ю. Се́верный оле́нь пусти́лся во всю прыть че́рез пни и ко́чки по́ лесу, по боло́там и степя́м. Во́лки вѣли, воробы́ ка́ркали.

Уф! Уф! — послы́шалось вдруг с не́ба, и оно́ сло́вно зачиха́ло огнём.

— Вот моё родно́е се́верное сия́ние! — сказа́л оле́нь. — Гляди́, как го́рят!

И он побежа́л да́льше, не оста́навливаясь ни днём, ни но́чью. Хлѣбы́ были съедены, ветчина́ то́же, и вот они́ очути́лись в Лаплáндии.

ИСТО́РИЯ ШЕ́СТАЯ

Лаплáндка и ф́инка

Оле́нь остано́вился у жа́лкой избу́шки. Кры́ша спуска́лась до са́мой земли́, а дверь была́ така́я низенькая, что лю́дям приходи́лось прополза́ть в неё на четвере́ньках.

До́ма была́ одна́ стару́ха лаплáндка, жа́рившая при све́те жирово́й ла́мпы ры́бу. Се́верный оле́нь рассказа́л лаплáндке всю исто́рию Ге́рды, но сна́чала рассказа́л свою́ со́бственную — она́ каза́лась ему́ го́раздо важне́е.

Ге́рда же так око́ченела́ от хо́лода, что и говори́ть не могла́.

— Ах вы бедняги! — сказала лапландка. — Долгий же вам ещё предстоит путь! Придётся сделать сто миль с лишним, пока доберётесь до Финляндии, где Снежная королева живёт на даче и каждый вечер зажигает голубые бенгальские огни. Я напишу два слова на сушёной треске — бумаги у меня нет, а вы снесёте её финке, которая живёт в тех местах и лучше моего сумеет научить вас, что надо делать.

Когда Гёрда согрелась, поела и попила, лапландка написала два слова на сушёной треске, велела Гёрде хорошенько беречь её, потом привязала девочку к спине оленя, и тот снова помчался.

Уф! Уф! — слышалось опять с неба, и оно стало выбрасывать столбы чудесного голубого пламени. Так добежал

олень с Гёрдой и до Финляндии и постучался в дымовую трубу фінки — у неё и дверей-то не было.

Ну и жарá стояла в её жильё! Самá фінка, низенькая, толстая женщина, ходила полуголая. Жίво стащίла она с Гёрды плáтье, рукавίцы и сапогί, иначе дёвочке было бы жáрко, положила олёню на гóлову кусок льда и затём принялась читáть то, что было напíсано на сушёной треске.

Она прочлá всё от слóва до слóва три рáза, пока не заучίла наизусть, и потóm сунула треску в котёл с супом — рыба ведь ещё годίлась в пίщу, а у фінки ничего даром не пропадало.

Тут олень рассказáл сначала свою истóрию, а потóm истóрию Гёрды. Фінка мигáла своими умными глáзками, но не говорίла ни слóва.

— Ты такáя мύдрая жёншина... — сказáл олень. — Не изготóвишь ли ты для дёвочки такое питьё, котóрое бы далó ей сίлу двенадцати богатырёй? Тогда бы она одолела Снежную королёву!

— Сίлу двенадцати богатырёй! — сказáла фінка. — Да, мнóго в этóм толку!

С этими слóвами она взяла с полки большóй кожаный свίток и развернула его: на нём стояли какие-то удивительные письмена.

Фінка принялась читáть их и читáла до того, что пот градом покáтился с её лба.

Олень опáть принялся просίть за Гёрду, а самá Гёрда смотре́ла на фінку такими умоляющими, полными слёз глáзами, что та опáть заморгáла, отвелá олёня в стóрону и, меняя ему на головé лёд, шепну́ла:

— Кай в сáмом дéле у Снежной королёвы, но он вполне доволен и думáет, что лúчше ему нигде и быть не мóжет. Причиной же всему́ оскóлки зёркала, что сидят у него в

сёрдце и в глазѹ. Их нáдо удалѣть, ина́че Сне́жная королева сохранѣт над ним свою́ власть.

— А не мо́жешь ли ты дать Ге́рде что́-нибудь тако́е, что сде́лает её сильнее́ всех?

— Сильнее́, чем она́ есть, я не могу́ её сде́лать. Не ви́дишь ра́зве, как велика́ её си́ла? Не ви́дишь, что ей слѹжат и люди и живо́тныє? Ве́дь она́ боса́я обошла́ полсве́та! Но она́ не должна́ от нас узна́ть о сво́ей си́ле, что живѣт в её сёрдце; её си́ла в том, что она́ неви́нный ми́лый ребѣнок. Если она́ сама́ не смо́жет проникнуть в поко́и Сне́жной короле́вы и извлече́ из сёрдца́ Ка́я оско́лки, то мы и пода́вно ей не по́можем! В двух ми́лях отсю́да начина́ется сад Сне́жной короле́вы. Отнеси́ туда́ де́вочку, спусти́ у большо́го ку́ста, по́крытого́ кра́сными ягодами, и, не ме́шкая, возвра́щайся о́брáтно.

С э́тими сло́вами фи́нка поса́дила Ге́рду на спи́ну оле́ня, и тот брѹсился бежа́ть со всех ног.

— Ай, я без те́плых сапо́г! Ай, я без рукави́ц! — закрича́ла Ге́рда, очути́вшись на морѹзе.

Но оле́нь не сме́л остано́виться, пока́ не добежа́л до ку́ста с кра́сными ягодами.

Тут он спусти́л де́вочку, поцелова́л её в са́мые губы, и по щека́м его́ покати́лись крѹпные блестя́щие слѣ́зы. За́тем он стрело́й пусти́лся наза́д.

Бе́дная де́вочка оста́лась одна́ на треску́чем морѹзе, без башмако́в, без рукави́ц.

Она́ побежа́ла впе́ред что́ было́ мо́чи. Навстре́чу ей не́сся це́лый полк сне́жных хло́пьев, но они́ не па́дали с не́ба — не́бо было́ совсе́м я́сное, и на нём пыла́ло се́верное сия́ние, — нет, они́ бежа́ли по земле́ пря́мо на Ге́рду и становѣ́лись все́ крупнее́ и крупнее́. Ге́рда вспо́мнила большо́е кра́сивые хло́пья под увели́чительным стекло́м, но э́ти бы́ли куда́ бо́льше, стра́шнее́ и все живы́е.

Это были передовые отряды войска Снежной королевы. Одни напоминали собой больших безобразных ежей, другие — стоголовых змей, третьи — толстых медвежат с взъерошенною шерстью. Все они одинаково сверкали белизной, все были живыми снежными хлопьями.

Но Герда смело шла всё вперед и вперед и наконец добралась до чертогов Снежной королевы.

Посмотрим же, что было в это время с Каем.

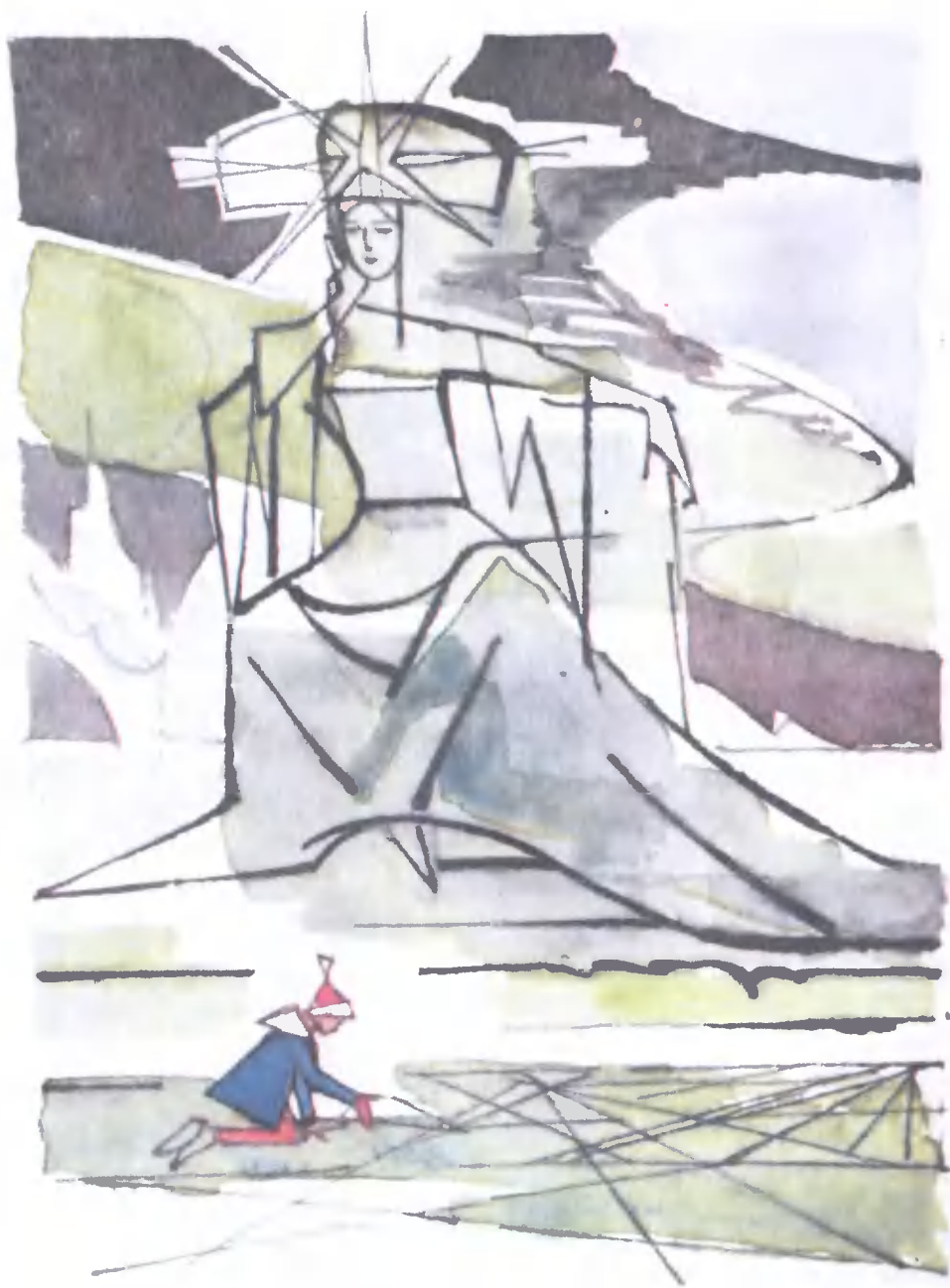
Он и не думал о Герде, а уж меньше всего о том, что она так близко от него.

ИСТОРИЯ СЕДЬМАЯ

*Что случилось в чертогах Снежной королевы
и что случилось потом*

Стены чертогов были снежные метели, окна и двери были буйные ветры. Сотни огромных зал, смотря по тому, как наметала ихвьюга, тянулись одна за другой. Все они были освещены северным сиянием, и самая большая простиралась на много-много миль. Как холодно, как пустынно было в этих белых, ярко сверкающих чертогах! Веселье никогда и не заглядывало сюда. Никогда не устраивались здесь медвежьи балы с танцами под музыку бури, в которых могли бы отличиться грацией и умением ходить на задних лапах белые медведи; никогда не составлялись партии в карты с ссорами и дракою и не сходились на беседу за чашкой кофе белянькие кумушки-лисиčky — нет, никогда, никто!

Холодно, пустынно, мертво и грандиозно! Северное сияние вспыхивало и горело так правильно, что можно было с точностью рассчитать, в какую минуту свет усилится и в какую ослабнет. Посреди самой большой пустынной снежной залы

находи́лось замёрзшее о́зеро. Лёд трэ́снул на нём на ты́сячи куско́в, та́ких одина́ковых и пра́вильных, что э́то каза́лось ка́ким-то фо́кусом. Посре́ди о́зера восседа́ла Сне́жная королева́, когд́а быва́ла до́ма, гово́ря, что сиди́т на зе́ркале ра́зума; по её́ мн́ению, э́то было́ еди́нственное и лу́чшее зе́ркало на све́те.

Кай́ совсе́м посине́л, почти́ почерне́л от хо́лода, но не замеча́л э́того — поцелу́и Сне́жной короле́вы сде́лали его́ нечувствительным к хо́лоду, да и са́мое се́рдце его́ было́ кусо́м льда. Кай́ вози́лся с плóскими остро́конечными льди́нами, укла́дывая их на всевозмо́жные лады́. Есть́ ведь та́ка́я игра́ — скла́дывание фигу́р из дере́вянных дощ́ечек, кото́рая назыв́ается кита́йской головоло́мкой. Кай́ то́же скла́дывал ра́зные зате́йливые фигу́ры, но из льди́н, и э́то назыв́алось ледяно́й игро́й ра́зума. В его́ глаза́х э́ти фигу́ры бы́ли чу́дом иску́ства, а скла́дывание их — заня́тием перво́степенной ва́жности. Э́то происходи́ло оттого́, что в глазу́ у него́ сиде́л оско́лок волшебного зе́ркала. Он скла́дывал из льди́н це́лые слова́, но ника́к не мог сложи́ть того́, что ему́ осбо́енно хоте́лось, — сло́во «в́ечность». Сне́жная короле́ва сказа́ла ему́: «Если́ ты сло́жишь э́то сло́во, ты бу́дешь сам себе́ госпо́дин, и я подарю́ тебе́ весь свет и па́ру но́вых конько́в». Но он ника́к не мог его́ сложи́ть.

— Тепе́рь я полечу́ в тёплые кра́я, — сказа́ла Сне́жная короле́ва.

И она́ улет́ела, а Кай́ оста́лся оди́н в необозри́мой пу́стынной за́ле, смотре́л на льди́ны и все́ ду́мал, ду́мал, так что в голо́ве у него́ трещ́ало. Он сиде́л на однё́м ме́сте, та́кой блéдный, неподви́жный, сло́вно неживо́й. Мо́жно было́ поду́мать, что он замёрз.

В э́то вре́мя в огро́мные воро́та, в кото́рые в́ечно ду́ли бу́йные ве́тры, вход́ила Ге́рда. И перед не́ю ве́тры улегли́сь, то́чно засну́ли. Она́ вошла́ в огро́мную пу́стынную ледяну́ю

зálu и увидáла Кáя. Онá тóтчас узнáла егó, брóсилась ему́ на шею, крѣпко обняла́ егó и воскликнула:

— Кай, мѣлый мой Кай! Наконѣц-то я нашла́ тебя!

Но он сидѣл всё такой же неподвижный и холóдный. Тогда́ Гѣрда заплакала; горя́чие слѣзы её упáли ему́ на грудь, пронѣкли в сѣрдце, растопѣли егó ледяную́ кору́ и расплáвили оскóлок. Кай взгляну́л на Гѣрду и вдруг за-лѣлся слезáми и плáкал так сѣльно, что оскóлок вѣтек из глáза вмѣсте со слезáми. Тогда́ он узнáл Гѣрду и обра́довался.

— Гѣрда! Мѣлая Гѣрда!.. Где же э́то ты была́ так дóлго? Где был я сам? — И он оглянóлся вокрúг. — Как здесь холóдно, пусты́нно!

И он крѣпко прижа́лся к Гѣрде. Онá смеялась и плáкала от рáдости. Да, рáдость была́ такая́, что да́же льди́ны пусти́лись в пляс, а когдá устáли, улеглись и состáвили то сáмое слóво, котóрое задалá сложѣть Кáю Снѣжная королева́. Сложѣв егó, он мог сдѣлаться сам себѣ господѣном да ещё получи́ть от неё в дар весь свет и па́ру нóвых коньков.

Гѣрда поцеловáла Кáя в обе щекѣ́, и онѣ опя́ть зацвели́ рóзами; поцеловáла егó в глазá, и онѣ заблистáли, как её; поцеловáла егó ру́ки и нóги, и он опя́ть стал бóдрым и здоровым.

Кай ничу́ть не страши́лся прибы́тия Снѣжной королевы́ — егó отпускна́я лежала́ тут, написанная блестящими́ ледяными́ бóквами.

Кай с Гѣрдой ру́ка об руку́ вѣшли из ледяныхъ чертóгов. Онѣ шли и говорѣли о ба́бушке, о рóзах, что цвели́ в их са́дике, и перед нѣми стихáли буйные вѣтры, прогля́дывало сол́нце. Когдá же онѣ дошли́ до кустá с красными́ ягодами, там уже́ ждал их сѣверный олѣнь.

Кай и Гѣрда отпра́вились сначала к фѣнке, отогрѣлись у

неё и узнали дорогу домбй, а потом — к лапландке. Та сшила им новое платье, починила свои сани и поехала их провожать.

Олень тоже провожал молодых путников вплоть до самой границы Лапландии, где уже пробивалась первая зелень. Тут Кай и Герда простились с ним и с лапландкой.

Вот перед ними и лес. Запели первые птички, деревья покрылись зелёными почками. Из леса навстречу путникам выехала верхом на великолепной лошади молодая девушка в ярко-красной шапочке и с пистолетами за поясом.

Герда сразу узнала и лошадь — она была когда-то впряжена в золотую карету — и девушку. Это была маленькая разбойница.

Она тоже узнала Герду. Вот была радость!

— Ишь ты, бродяга! — сказала она Кая. — Хотела бы я знать, стоишь ли ты того, чтобы за тобой бегали на край света?

Но Герда потрепала её по щеке и спросила о принце и принцессе.

— Они уехали в чужие края, — отвечала молодая разбойница.

— А вброн? — спросила Герда.

— Лесной вброн умер; ручная ворона осталась вдовой, ходит с чёрной шерстинкой на ножке и жалуется на судьбу. Но всё это пустяки, а ты вот расскажи-ка лучше, что с тобой было и как ты нашла его.

Герда и Кай рассказали ей обо всём.

— Ну, вот и сказке конец! — сказала молодая разбойница, пожала им руки и обещала навестить их, если когда-нибудь заедет в их город.

Затем она отправилась своей дорогой, а Кай и Герда — своей.

Они шли, и по дороге расцветали весенние цветы, зеле-

нела травка. Вот раздался колокольный звон, и они узнали колокольни своего родного города. Они поднялись по знакомой лестнице и вошли в комнату, где всё было по-старому: маятник всё так же стучал «тик-так» и стрелка двигалась по циферблату. Но, проходя в низенькую дверь, они заметили, что стали взрослыми людьми. Цветущие розовые кусты заглядывали с крыши в открытое окошко; тут же стояли их детские стульчики. Кай с Гердой сели каждый на свой и взяли друг друга за руки. Холодное, пустынное велико-

лёпие чертёгов Снежной королевы было забыто ими как тяжёлый сон.

Так сидели они рядышком, оба уже взрослые, но дети сердцем и душой, а на дворе стояло тёплое благодатное лето.

ил-был бедный принц. Королёвство у него́ было маленькое-премаленькое. Но всё же это было королёвство, и можно было подум́ать о короле́ве — же́ниться. Принц и не прочь был же́ниться.

Конечно́, немно́жко сме́ло было бы по́просто спроси́ть дочку́ само́го импе́ратора: «Пойдёшь за меня́?» Но посла́ть к ней сва́тов принц мог осме́литься. Он происходи́л из ста́рого короле́вского ро́да, носи́л сла́вное и́мя, и со́тни принце́ссы согласи́лись бы вы́йти за него́ за́муж. Ну, а дочка́ импе́ратора?

Вот послу́шайте.

На моги́ле по́койного отца́ прин́ца вы́рос ро́зовый куст небыва́лой краси́воты. Цве́л э́тот куст то́лько оди́н раз в пять

лет, и распускалась на нём одна-единственная роза. Зато она была так прекрасна и так сладко пахла, что, нюхая её, можно было забыть все свои горести и заботы. А ещё был у принца соловей, который пел так чудесно, точно у него в горлышке были спрятаны все самые лучшие песни мира.

И вот принц надумал послать и розу и соловья в дар принцессе. Розу и соловья поместили в большие серебряные ларцы, и послы принца отправились с ними ко двору императора.

Император велел нести ларцы перед собой — прямо в залу, где принцесса играла со своими фрейлинами «в гости». Больше они ничего и не умели делать.

Увидев ларцы, принцесса захлопала в ладоши.

— Ах, если б тут был котёнок! — сказала она.

Но из ларца вынули прекрасную розу.

— Как это мило сделано! — воскликнули фрейлины.

— Больше чем мило, — сказал император, — это прямо недурно!

Но принцесса потрогала розу пальчиками и чуть не заплакала.

— Фи, папа! — сказала она. — Это вовсе не искусственная роза, а самая настоящая!

— Фи! — сказали все придворные. — Настоящая?!

— Погодим сердиться. Сначала посмотрим, что в другом ларце, — сказал император.

И вот из ларца выпорхнул соловей и запел так чудесно, что просто не к чему было придраться.

— Очаровательно, восхитительно! Шарман! Сюперб! — заговорили фрейлины. Они все болтали по-французски — одна хуже другой.

— Как эта птичка напоминает органчик покойной императрицы! — сказал старый придворный. — Тот же тон, та же манера!

— Да! Да! — сказа́л импера́тор и запла́кал, как ребёнок.

— Надёюсь, э́та пти́ца не настоя́щая? — спроси́ла принцёсса.

— Настоя́щая! — отве́тили по́сланные прин́ца, кото́рые привезли́ пода́рки.

— Ну, так пусть себе́ летит куда́ хо́чет! — сказа́ла принцёсса и ни за что не захоте́ла позво́лить прин́цу лично яви́ться к ней.

Но принц не пал ду́хом. Он выпачкал себе́ лицо́ чёрной и бу́рой кра́ской, нахлобу́чил ша́пку и посту́чался в импера́торский дворе́ц.

— Здра́вствуйте, импера́тор! — сказа́л он. — Не найдётся ли у вас при дворе́ какой-нибудь до́лжности для меня́?

— Мнóго вас тут ходит да и́щет, где бы пристро́биться! — отве́тил импера́тор. — Впрóчем, постóй, мне ну́жен свинопáс. У нас страсть ско́лько сви́ней расплоди́лось.

И вот прин́ца назна́чили придво́рным свинопáсом. Ему́ отвели́ пло́хонькую кама́рку ря́дом со сви́ными заку́тками. Там он и засёл на весь день, а к ве́черу смастери́л чуде́сный котелóк. Котелóк был кругóм обве́шан бубёнчиками, и когда́ в котелке́ что́-нибудь кипяти́лось, о́ни назва́нивали стари́нную пе́сенку:

Ах, мой ми́лый Авгу́стин,
Всё прошло́, прошло́, прошло́!

И ещё одно́ чуде́снейшее сво́йство бы́ло у котелка́: е́сли над па́ром, кото́рый из него́ подыма́лся, поддержа́ть па́лец и поню́хать, то по за́паху мо́жно бы́ло узна́ть, ка́кие у ко́го в го́роде гото́вилось ку́шанье. Вот так котелóк! Не то что кака́я-то ро́за!..

Принцёсса ви́шла со свои́ми фре́йлинами на прогу́лку, услы́хала вдруг звон бубёнчиков и сра́зу остано́вилась. Узна́ла пе́сенку «Ах, мой ми́лый Авгу́стин», кото́рую сама́

умела играть на фортепьяно, и обрадовалась. Только одну эту песенку она и выучилась играть — вдобавок одним пальцем.

— Ах, ведь и я играю это! — сказала она. — Стало быть, наш новый свинопас хорошо воспитан. Послушайте, пусть кто-нибудь из вас пойдёт и спросит у него, сколько он хочет за свои бубенчики.

Однѳ из фрѳйлин пришлѳсь надѳть деревянныѳ башмаки и пойтѳ на задний двор.

— Что возьмѳшь за котелѳк? — спросила она.

— Дѳсять поцелѳев принцѳссы, — отвѳтил свинопас.

— Да ты в умѳ? — сказала фрѳйлина.

— Дешѳвле не уступлю, — отвечал свинопас.

— Ну, что он сказал? — спросила принцѳсса.

— Не смѳю и повторитѳ вслух, — отвечала фрѳйлина. — Ужас что такое!

— Ну так шепни на ушко мне!

И фрѳйлина шепнула.

— Вот невежа! — сказала принцѳсса и пошла было прочь.

Но в это время бубенчики так мило зазвенѳли:

Ах, мой милый Августин,
Всѳ прошлѳ, прошлѳ, прошлѳ!

— Послушай, — сказала принцѳсса, — пойдѳ спросѳ, не отдаст ли он котелѳк за дѳсять поцелѳев фрѳйлин.

— Нет, спасибо! — отвѳтил свинопас. — Дѳсять поцелѳев принцѳссы, ѳли котелѳк останѳтся у меня.

— Как это скучно! — сказала принцѳсса. — Ну, придѳтся вам всем стать вокруг меня, чтѳбы, по крайней мѳре, никто не увидал нас.

Фрѳйлины обступили еѳ и растопырили свой ѳбки. Свинопас получил дѳсять поцелѳев, а принцѳсса — котелѳк с бубенчиками.

Тó-то началось у них веселье! Весь вечер и весь следующий день кипел котелок. Они узнавали, что стряпалось в любой кухне — от кухни камергера до очага сапожника. Фрейлины прыгали и хлопали в ладоши.

— Мы знаем, у кого сегодня сладкий суп и блинчики! У кого каша и свиные котлеты! Как интересно!

— О да! — сказала старшая придворная дама. — Очень интересно!

— Только смотрите держите язык за зубами! — сказала принцесса. — Я ведь императорская дочка!

— Помилуйте! — ответили все хором.

А свинопас (вернее сказать — принц, но для них-то он был свинопасом!) не терял времени даром. Он смастерил такую трещотку, которая, когда её крутили, играла всевозможные вальсы, галопы и польки, какие только раздавались на свете с самого сотворения мира.

— Но это сюрб! — воскликнула принцесса по-французски, проходя мимо свиного закутка. — Лучше этого я ничего не слыхала! Сейчас же пойдите спросите у него, что он возьмёт за этот инструмент. Но целоваться я больше не стану!

— Он требует сто поцелуев принцессы, — доложила фрейлина, вернувшись.

— Да что он — с ума сошёл? — сказала принцесса и пошла было своей дорогой, но, сделав два шага, остановилась. — Ведь я императорская дочь и должна поощрять таланты! — сказала она. — Скажите свинопасу, что он получит, как вчера, десять. Остальное доплатят мой фрейлины.

— Да, но нам бы не хотелось целоваться, — сказали фрейлины.

— Вздор! — сказала принцесса. — Уж если я могу с ним целоваться, то вы и подавно. Не забывайте, что я кормлю вас и плачу вам жалованье!

Пришлось фрейлине снова пойти к свинопасу.

— Сто поцелуев принцессы, — повторил свинопас, — или каждый останется при своём.

— Становитесь вокруг нас! — скомандовала принцесса. Фрейлины обступили их, и свинопас стал целовать принцессу.

В это время на балкон вышел император.

— Что это за сборище у свинных закуток? — спросил он себя, протирая глаза и надевая очки. — Э, да это фрейлины опять что-то затеяли! Надо пойти посмотреть.

Он расправил задки своих старых, стоптанных башмаков, служивших ему спальными туфлями, и заторопился на задний двор, а там стал потихоньку подкрадываться к фрейлинам. Они же были очень заняты: считали поцелуи, чтобы расплата была честной и свинопас получил бы ровно столько, сколько ему причиталось, ни больше ни меньше. Поэтому никто из них и не заметил, как подкрался император. А он, подойдя поближе, привстал на цыпочки.

— Это ещё что такое?! — спросил он, увидев, что принцесса целуется со свинопасом. И швырнул в них туфлю как раз в ту минуту, когда свинопас получал восемьдесят шестой поцелуй.

— Вон из моего государства оба! — крикнул рассерженный император.

И их обоих вывели.

Принцесса стояла и плакала. Свинопас бранился, а дождь поливал их.

— Ах я несчастная! — сказала принцесса. — Выйти бы мне лучше за того прекрасного принца! Ах бедная я, несчастная!

Тогда свинопас спрятался за дерево, стёр с лица чёрные и бурые пятна, сбросил с себя плохую одежду и показался принцессе в своём настоящем виде. Он был так прекрасен, что принцесса низко ему поклонилась, а он сказал ей:

— Тепе́рь я то́лько презира́ю тебя́. Ты не захоте́ла взять в мужья́ че́стного принца́. Ты не оце́нила настоя́щую ро́зу и живо́го соловья́, а за жа́лкие игру́шки могла́ целова́ть свинопáса. Вот и терпи́ тепе́рь по заслу́гам!

И он уше́л к себе́ и кре́пко захло́пнул за собо́й двéри.

Принце́ссе оста́лось то́лько сто́ять за двeря́ми да распeва́ть:

Ах, мой ми́лый Авгу́стин,
Все́ прошло́, прошло́, прошло́!

СОДЕРЖАНИЕ

Предислóбие	3
Гáдкий утёнок	7
Дюймóвочка	27
Снéжная королéва	49
Свинопáс	101

Д л я н а ч а л ь н о й ш к о л ы

Г . - Х . А Н Д Е Р С Е Н

СКАЗКИ

ИБ № 5776

Ответственный редактор
Г. В. Кузнецова
Художественный редактор
В. А. Горячева
Технический редактор
Е. П. Трифонова
Корректор
Э. Н. Сизова

Подписано к печати с готовых диапозитивов 17.12.81. Формат 70×90/16. Бум. офс. № 1. Шрифт литературный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,19. Усл. кр.-отт. 34,37. Уч.-изд. л. 5,81. Тираж 150 000 экз. Заказ 1387. Цена 80 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Издательство просит отзывы об этой
книге присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

Андерсен Г.-Х.

А65

Сказки / Пер. с дат. А. Ганзен. Рис. В. Алфеевского. — М.: Дет. лит., 1982. — 110 с. ил. (Школьная б-ка для нерусских школ).

В пер.: 80 к.

В сборник вошли известные сказки: «Гадкий утёнок», «Дюймовочка», «Снежная королева».

А 4803020000—033
М101(03)82 511—82

И(Дат)

КНИЖНАЯ
ИЛЛЮСТРАЦИЯ
СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

МУЗЕЙ ДЕТСКИХ КНИГ DJVU/PDF

[SHEVA.SPB.RU/BIB](http://sheva.spb.ru/bib)